

P. o. russ.

166

a

P. O. Russ. 166 a

N° 34

<36618091370010

<36618091370010

Bayer. Staatsbibliothek

Ф. ЧЕРВИНСКІИ

СТИХИ

*„Птенецъ“—сцены въ 3-хъ актахъ.
„Тамара“—восточное преданіе.
Мелкія стихотворенія.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

22/00/1805

ПТЕНЕЦЪ

СЦЕНЫ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

(АНТ. П. ЧЕХОВУ)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Демьяновичъ Суховъ, губернаторъ.

Елена Павловна, жена его, 24 лѣтъ.

Вѣра Демьяновна, сестра Сухова, 48 лѣтъ.

Надя, сестра Елены Павловны, 16 лѣтъ.

Левъ Антиповичъ Невѣринъ, 29 лѣтъ.

Иванъ Андреевичъ Голубковъ, 25 лѣтъ.

Тома Томичъ Осколковъ, правитель канцеляріи губернатора.

Пискуновъ, молодой человѣкъ, дальній родственникъ Сухова.

Спицынъ, губернской прокуроръ.

Баронесса Штраммъ, старушка.

Горемычный, поэтъ.

Степанъ, слуга Голубкова, 18 лѣтъ.

Лакей губернатора.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ Сухова. Вѣра Демьяновна читаетъ газету.
Входитъ Суховъ.

I.

Вѣра Демьяновна и Суховъ.

СУХОВЪ.

Считаю долгомъ вамъ принести
Пріятнѣйшую вѣсть.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Я слушаю.

СУХОВЪ.

Сюрпризъ необычайный!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Я слушаю.

СУХОВЪ.

Онъ былъ покуда тайной.

*

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Я слушаю.

СУХОВЪ.

Ба, кажется сквозить? [Затворяетъ дверь].

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Тутъ лопнетъ всякое терпѣнье!

Смѣтесъ вы?

СУХОВЪ.

Какое подозрѣнье!

Надъ вами? Я?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Я слушаю. [Пауза]. Молчить!!

СУХОВЪ.

Я собираюсь съ духомъ;

Вѣдь этакій сюрпризъ ударить какъ обухомъ,

А дамы милыя узнаютъ, такъ бѣда!

Внимайте же: назначенъ мной сюда

Чиновникомъ особыхъ порученій

Сынъ друга моего, Ванюша Голубковъ,

И молодъ, и красивъ... безъ дальнихъ словъ

Премилый мальчуганъ, хотъ, помнится, не геній.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Какъ? Го-луб-ковъ? Сюрпризъ какой!

Фамилія громка. Что эти Голубковы—

Ростовщики?

СУХОВЪ.

Да что вы, что вы, что вы!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Трактирщики?

СУХОВЪ.

Ахъ, Боже мой!

Чего вы вспыхнули, какъ порохъ?
Онъ дворянинъ, какъ вы да я;
Семья его—почтенная семья;
Живя еще ребенкомъ дома,
Была немножко съ нимъ знакома
Супруга строгая моя...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Что-жъ тратить время въ разговорахъ?
Зовите!

СУХОВЪ.

Да-съ, и позову,
И ежедневно-съ онъ обѣдать будетъ съ нами.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Вы бредите, мой милый, на яву.
Смѣтесъ, что ли, вы?—Богъ съ вами,
Васъ не понять!

Какой-то Голубковъ—чиновничекъ несчастный,
И вы съ нимъ носитесь! Смѣшно-съ! Смѣшно сказать.
Э, васъ не вразумишь.

СУХОВЪ.

Признаюсь, трудъ напрасный.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Вѣдь губернаторъ вы!

СУХОВЪ.

Неужто? Вотъ-те разъ!

Я позабылъ совсѣмъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

И видно, что забыли.

СУХОВЪ.

Благодарить позвольте васъ,
Что вразумили.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Довольно бы смѣшковъ,
Хотѣла я поговорить серьезно.

[Лакей подаетъ карточку. Суховъ, взявъ ее съ подноса, читаетъ].

СУХОВЪ.

Иванъ Андреичъ Голубковъ...
Душевно-бъ радъ, но видите ли—поздно!
[Лакею].

Проси. [Лакей уходитъ].

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА. [встаетъ].

Я оставляю васъ.

Не засидится онъ у насъ?

Нельзя-ль хоть сократить бесѣду?

СУХОВЪ.

О, можно! Отчего-жъ! Да я притомъ же ѣду.
Онъ будетъ вашъ... и нынче и навѣкъ!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА [въ сильномъ негодованіи].

Ужасный человѣкъ! [Уходитъ].

II.

Суховъ и Голубковъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Имѣю честь...

СУХОВЪ [перебиваетъ].

Э, полно безъ чиновъ!
Я губернаторъ тамъ... а здѣсь—Сергѣй Демьянычъ.
Присядьте, очень радъ. Ну, что Андрей Степанычъ,
Доволенъ, занять и здоровъ?

ГОЛУБКОВЪ.

По прежнему. Поклонъ вамъ посылаетъ.
Онъ нынче занять въ день по десяти часовъ:
Въ комиссіи какой-то засѣдаетъ.

СУХОВЪ.

Ужъ эти мнѣ комиссіи... Эхъ-эхъ!
Напишутъ сто томовъ, а выйдетъ только грѣхъ.
Ну, вы—какъ вы? Карьеромъ для карьеры?
А мы радехоньки: намъ нужны кавалеры.

ГОЛУБКОВЪ.

О, я не карьеристъ! Провинція меня
 Давно тянула,
 И радъ я, что бѣжалъ отъ питерскаго гула.
 Вся эта суетня
 На части нервы рветъ. Къ природѣ и къ народу
 Какъ будто ближе тутъ.

СУХОВЪ.

Тогда зачѣмъ служить?
 Въ столицѣ бы деньжонокъ приконить—
 И припорхнуть сюда, чтобъ созерцать природу.
 [Входитъ Елена Павловна].

III.

Суховъ, Голубковъ и Елена Павловна.

СУХОВЪ.

Не узнаешь, конечно? Голубковъ.
 [Голубковъ, смущенный, кланяется; Елена Павловна, улыбаясь,
 сдержанно отвѣчаетъ].

Мы съ нимъ болтали безъ чиновъ
 И онъ признался мнѣ, что карьеристъ онъ ярый:
 Ужъ если, говорить, гдѣ губернаторъ старый—
 Такъ за супругою его
 Приволокнуться нужно, ваше—ство,
 Чтобъ сдѣлать громкую карьеру.

Что это! Скоро шесть? Заврался я не въ мѣру;
 Забылъ совсѣмъ—давно пора:
 Къ супругѣ гость пришелъ—ну, мужъ и со двора.
 Я къ предводителю дворянства
 Званъ нынче на обѣдъ,
 На маленькій обѣдъ, на пребольшое пьянство:
 Недаромъ онъ у насъ безсмѣнно девять лѣтъ
 Творить великія тиранства.
 Ты-жъ гостя милаго займи
 Бесѣдой сладкой, mon amie...
 А завтра примемся за службу.
 На службѣ я гроза! Тамъ я и на родство
 Не посмотрю, не только что на службу.
 Тамъ я сановникъ, «ваше—ство»,
 Либерализмъ прошу оставить!
 И такъ, au revoir. Да, женушка, его
 Моей сестрицѣ не забудь представить;
 Пусть влюбится смертельно онъ
 Въ сей расцвѣтающій бутонъ. [Уходитъ].

IV.

Елена Павловна и Голубковъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [протягивая Голубкову обѣ руки].

Еще разъ здравствуйте.

[Голубковъ цѣлуетъ ея руки].

Довольно же, довольно!

Какой ребенокъ вы! Смотрите: даже больно...

ГОЛУБКОВЪ.

Вы знаете: когда
 Вошли внезапно вы сюда—
 Я чуть не бросился на встрѣчу.
 Но вы такъ холодно взглянули... Боже мой,
 Какъ я безумно радъ, что снова я съ тобой!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Иванъ Андреевичъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Простите...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я замѣчу

Серьезно вамъ: что было—то прошло;
 Не дѣти мы.

ГОЛУБКОВЪ.

А какъ свѣтло

Прошедшее! Забылся я, простите.

Оно воскресло предо мной,
 Пахнуло южною весной—
 И голову вскружило мнѣ... Скажите,
 Вы за письмо не разсердились?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ,

Но, право, я не понимаю,
 Что намъ скрывать? Я мужа знаю:
 Онъ посмѣялся бы—и только. Вы—поэтъ,
 И шалость дѣтскую раздули въ преступленье.

ГОЛУБКОВЪ.

Какъ! Шалость?.. Кто-бъ подумать могъ,
 Что шалость стоила и счастья, и тревогъ!
 Такъ это жгучее волненье,
 Съ которымъ вы прощались со мной
 Въ тотъ вечеръ памятный, въ бесѣдѣ надъ рѣкой,
 Такъ эта смутная тревога,
 Съ которой вы смотрѣли на меня
 Глазами, полными печали и огня—

Все это шалость? Много, много
 Промчалось дней съ тѣхъ поръ,
 Но вашъ послѣдній взоръ,
 Несвязныя слова и дрожь руки холодной
 Въ минуты скорби безъисходной
 Взглядъ зажигаютъ мой огнемъ.
 И вы велите мнѣ не думать о быломъ!
 Да знаете ли вы, какъ тяжело, какъ больно
 Похоронить все за-живо!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Довольно.

Въ послѣдній разъ,
 Не прерывая, слушала я васъ.
 Вы все сказали?

ГОЛУБКОВЪ [холодно].

Все.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Прекрасно.

И такъ, давно-давно я дѣвочкой была
 Неопытной и глупой. Но прошла

Пора счастливая! Мы оба видимъ ясно,
 Что ужъ теперь не тѣ. Поэтому-то васъ
 Прошу я искренно—не вспоминать напрасно
 Всего того, что связывало насъ.
 Я замужемъ... давно люблю другого..
 Вы не студентъ восторженный...

ГОЛУБКОВЪ.

Ни слова

Я больше не скажу.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [иронически].

Merci!

ГОЛУБКОВЪ.

Ни слова.

ЛАКЕЙ [въ дверяхъ].

Господинъ Невѣринъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Невѣринъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да. Вы знаете? [Лакею]. Проси.
 Вы знаете его?

ГОЛУБКОВЪ.

Покуда неувѣренъ.

[Входитъ Невѣринъ].

V.

НЕВЪРИНЪ [цѣлуетъ руку Елены Павловны].

А генераль исчезъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да, скоро семь.

НЕВЪРИНЪ [взглянувъ на часы].

Почти.

Ба, Голубковъ. Ну, душечка—прости!
Взглянулъ—и не узналъ. Откуда ты? Давно ли?
[Обнимаетъ Голубкова].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Такъ вы пріятели?

ГОЛУБКОВЪ.

Старинные.

НЕВЪРИНЪ.

Легко ли,
Три года не видалъ. Ну что, здоровъ? Влюбленъ?
[Еленѣ Павловнѣ].

Вы знаете—еще студентомъ онъ
Мнѣ повѣрялъ великіе секреты.

ГОЛУБКОВЪ.

Оставимъ это.

НЕВѢРИНЪ.

Ба, молчу, молчу, молчу!
Влюбленъ онъ не былъ—я шучу.

[Голубкову тихо].

Ты не утасла, страсть... Вотъ каковы поэты.

[Входитъ Вѣра Демьяновна].

VI.

Тѣ же и Вѣра Демьяновна.

[Невѣринъ и Голубковъ встаютъ].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Позвольте вамъ

Представить...

ГОЛУБКОВЪ [кланяясь].

Голубковъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Какъ, Леночка? [Голубкову]. Простите.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

М-еиr Голубковъ...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Ахъ, Голубковъ... [Голубкову]. Скажите,
Надолго вы пожаловали къ намъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Я здѣсь служу.

НЕВЪРИНЪ.

Онъ служить?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

У Сергѣя.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

У губернатора!

НЕВЪРИНЪ.

А, вотъ какъ! [Тихо]. Вотъ идея...

[Голубкову тихо].

Ты будешь нуженъ мнѣ... Да какъ же, братъ, стихи?

ГОЛУБКОВЪ.

Не поминай про старые грѣхи:

Что было—то прошло. [Еленѣ Павловнѣ] Не правда ли?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Конечно.

НЕВЪРИНЪ.

Ну, голубокъ,

За это бы тебя въ мѣшокъ

Да въ воду... Какъ? Всю юность пѣть безпечно

О славѣ, о любви—

И вдругъ—въ чиновники, — въ бездушные строчилы?

Гдѣ-жъ грезы пышныя твои?

ГОЛУБКОВЪ.

Всему есть время, милый?

Теперь ужъ мы не тѣ. [Еленѣ Павловнѣ]. Не правда ли?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [тихо ему].

Опять?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Съ monsieur Голубковымъ я согласна!

Чиновнику стишковъ не слѣдуетъ писать.

НЕВѢРИНЪ.

Зачѣмъ служить?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Скажите! Вотъ прекрасно!

Да это знаетъ каждый гимназистъ.

А впрочемъ, вы извѣстный нигилистъ.

НЕВѢРИНЪ.

Я нигилистъ? Помилуйте, за что вы?

Давно-ль?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ

Вы потрясаете основы.

НЕВѢРИНЪ.

Уничтожающій отвѣтъ.

[Входитъ Спицынъ].

VII.

Тѣ же и Спицынъ.

НЕВѢРИНЪ [Спицыну].

Привѣтъ, о прокуроръ, привѣтъ!
Закона бичъ неотразимый,
Ахъ, заступись! Вотъ, говорятъ,
Я нигилистъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Неисправимый!

СПИЦЫНЪ.

Vox feminae—vox Dei, братъ.

НЕВѢРИНЪ [Голубкову].

Что, голубокъ, какъ смотришь ты на это?

[Спицыну]. Рекомендую вамъ—поэта.

[Голубкову]. Ахъ, многихъ онъ жестоко покаралъ —
И много слезъ надъ ними проливалъ.

СПИЦЫНЪ.

Смѣешься ты — а мнѣ... ужасно!
Вотъ нынче! вовлеченъ...

НЕВѢРИНЪ.

По молодости?

СПИЦЫНЪ.

Больной, худой...

Да.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Притворство.

НЕВѢРИНЪ [смѣясь].

Ясно!

СПИЦЫНЪ [продолжаетъ].

Запуганный, забитый...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вотъ прекрасно!

Позвольте, господа!

Дѣла въ судѣ, а здѣсь...

НЕВѢРИНЪ [прерывая].

Здѣсь милое бездѣлье.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [улыбаясь].

Охъ, пострадать вамъ за языкъ,
Какъ попадете въ адъ на новоселье!

НЕВѢРИНЪ.

Отъ языковъ и здѣсь терзаться я привыкъ.

ГОЛУБКОВЪ [Спицыну].

Вы тяготитесь должностью своею?

СПИЦЫНЪ.

Я удрученъ, подавленъ ею!

Вы знаете—я нервный и больной.

Какъ призраки встаютъ передъ мной,

Какъ призраки нѣмые—
Голодные, холодные, худые...

ГОЛУБКОВЪ.

Зачѣмъ же вы...

СПИЦЫНЪ.

Одинъ вопросъ всегда!
Зачѣмъ я прокуроръ?

ГОЛУБКОВЪ.

Мнѣ, признаюсь, не ясно...

СПИЦЫНЪ.

Прекрасно.
А чѣмъ же быть? Защитникомъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Ну, да.

СПИЦЫНЪ.

Ну, что-жъ? Передъ мной все та же вереница
Людей, осмѣянныхъ судьбой.

О, эти блѣдные испуганные лица!

Вы молоды. Промчатся дни стрѣлой—

И бездна лжи и зла откроется предъ вами.

Хаосъ, хаосъ! Въ душѣ какъ голубъ кротки вы —

На дѣлѣ вы палачъ—по праву, по закону.

Несчастливы вы, больны, чужому внемля стону,

Ну, а на дѣлѣ—сколько разъ

Другіе стонутъ изъ-за васъ!

И горько то, что вы—вы правы, трижды правы:

За васъ тогда, за васъ безстрастный судъ людской!
[Хватается за сердце].

Опять забилося. Да, мнѣ гибельнѣй отравы
Волненіе... Я нервный и больной.

ГОЛУБКОВЪ.

Я вамъ сочувствую, повѣрьте...

СПИЦЫНЪ.

Вѣрю, вѣрю!

Вы искренни! О, я не лицемерю —
Я вѣрю вамъ.

[Входитъ Наденька].

VIII.

Тѣ же и Наденька.

НАДЯ.

Вы?... Ваня Голубковъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Надежда Павловна! Да вы ли это? Вы ли?

НАДЯ.

Да, дни разлуки насъ ужасно измѣнили:
Я—взрослая, а вы... фи, блѣдный, съ бородой!

НЕВѢРИНЪ.

Клянусь, что сбѣетъ онъ!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Nadine, вы позабыли,
Что не одни вы здѣсь!

СПИЦЫНЪ.

Взгляните и на насъ.

НАДЯ.

Ахъ, Нилъ Арсеньевичъ... я васъ
Сегодня видѣла... Мы поровнялись съ вами,
Я ѣхала въ гостиный дворъ.

НЕВѢРИНЪ.

Не правда ли—блѣднѣе прокуроръ,
Чѣмъ поутру?

СПИЦЫНЪ [тревожно].

Блѣднѣе? Да? блѣднѣе?

НАДЯ.

Да право-жъ нѣтъ, все глупости!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Nadine,

Quelle expression!

СПИЦЫНЪ [Надѣ].

А вы—вы съ каждымъ днемъ милѣе.

НЕВѢРИНЪ.

Не нахожу.

СПИЦЫНЪ.

Ты вандалъ! Ты кретинъ!
Ты словно вылъпленъ изъ прозы.
(Надѣ). Ну, право, молодѣю я
При васъ, владычица моя.
Глаза горятъ! На щечкахъ рдѣютъ розы!

НЕВѢРИНЪ [въ тонъ].

А волосы растрепаны!

НАДЯ.

Что? Нѣтъ!

Ахъ, Боже мой, сейчасъ... сейчасъ приду... простите.
[Въ дверяхъ]. Вы, Голубковъ, не уходите!
[Уходитъ].

IX.

Тѣ же, безъ Нади.

СПИЦЫНЪ.

Да, вотъ кому-бъ плелъ мадригалы я.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Ей рано получать признанья!

СПИЦЫНЪ.

Надежда Павловна какое-то сіянье
Всегда несетъ съ собой... Мы—старые друзья—
Я откровененъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Такъ, но Надя не ребенокъ.

НЕВѢРИНЪ.

Да, ужъ 12 лѣтъ какъ вышла изъ пеленокъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Пятнадцать.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [Голубкову].

Отчего такой угрюмый видъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Угрюмый? У меня?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Все хмурится, молчить

И взгляды грозные бросаетъ.

Или предъ вами воскресаетъ

Пора проказъ, и жалко вамъ, что вы
Состарились?

ГОЛУБКОВЪ.

Да, дѣтства жаль. Увы,

Такъ много унесло оно съ собою,

Что я... разстроенъ я, не скрою.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да, много: дѣтскихъ грезъ, обмановъ золотыхъ,

Надеждъ неясныхъ и пустыхъ...

Все, все унесено—и, право, я не плачу.

ГОЛУБКОВЪ [иронически].

Я очень радъ за васъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [отходя].

Рѣшите мнѣ задачу —
Гдѣ пить намъ чай? въ бесѣдкѣ?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Но...

НЕВѢРИНЪ И СПИЦЫНЪ.

Да! Да!

Въ саду, въ саду!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

И такъ, прошу туда,
Намъ принесутъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Позвольте мнѣ проститься.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вы насъ оставите?

НЕВѢРИНЪ.

Э, милый, не годится!

ГОЛУБКОВЪ.

Я извиняюсь, но...

Мнѣ дома нужно-бъ быть давно;
Едва ли и теперь все сдѣлать я успѣю.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я васъ удерживать не смѣю.

[Невѣринъ предлагаетъ ей руку и идетъ за Спицынымъ, предложившимъ руку Вѣрѣ Демьяновнѣ].

НЕВѢРИНЪ [проходя мимо Голубкова, тихо].

Прозрачный человѣкъ! Понять не мудрено!

ГОЛУБКОВЪ [одинъ].

Все кончено, ни искры прежней страсти...

А я... въ душѣ все оживаетъ вновь—

И нѣту силъ, и нѣту власти

Убить воскресшую любовь!

[Уходитъ].

Х.

Надя и Голубковъ.

НАДЯ [за сценой].

Что? глупости! Куда? Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

[Выходитъ].

ГОЛУБКОВЪ.

Я тороплюсь.

НАДЯ [передразнивая].

«Я тороплюсь!» Вотъ такъ,

Гдѣ-жъ гости?

ГОЛУБКОВЪ.

Тамъ, въ саду.

НАДЯ.

Садитесь же, хомякъ.

[Садятся].

Ну-съ, новости. Невѣста на примѣтѣ?
Наслѣдство? Служба какъ? Ахъ да,
«У губернатора!..» Вы, значить, навсегда?
Надолго?

ГОЛУБКОВЪ.

Ужъ не знаю, право.

НАДЯ.

Что поэтическая слава—
Въ туманѣ?

ГОЛУБКОВЪ.

Да, увѣ! Я бросилъ.

НАДЯ.

Навсегда?

Ахъ, бѣдный мой! А помните тогда—
Что пятый годъ уже? Вы мнѣ стихи писали
Преглупые! «Ужъ это ужасъ! Ужъ
Ужалилъ...» Жалко такъ! Они теперь пропали...

Къ тому-жъ

Серьезные стихи—тѣ были ужъ скучнѣе...
Все «чистый гений мой», «мой другъ»—нельзя нѣжнѣе.
Вы Ленѣ ихъ писали? Такъ вѣдь?

ГОЛУБКОВЪ [вспыхнувъ].

Но...

НАДЯ.

А помните, какъ вы вскочили къ намъ въ окно
И крикнули: «пожаръ!».. и все засуетилось:
Со стула нянюшка свалилась,
И суета, и шумъ, и гамъ...
Ужъ и досталось послѣ вамъ!

ГОЛУБКОВЪ.

А помните, какъ я пожаловался этой...
Э, какъ ее? Всегда такъ пышно разодѣтой
И накрахмаленной... Да, фрейлейнъ Минна!..

НАДЯ.

Ахъ,

Какъ злилась я на васъ! И все вѣдь, все нагали!

ГОЛУБКОВЪ.

Неправда.

НАДЯ.

Правда.

ГОЛУБКОВЪ.

Нѣтъ.

НАДЯ.

Нѣтъ, правда; вы сказали,
Что я разбила... Я бѣжала впопыхахъ,
Дверь хлопнула, все рухнуло...

*

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ кто же,
Кто-жъ виновать?

НАДЯ.

А помните... Ахъ, Боже,
Какъ злились вы! Въ саду... Я вечеромъ ушла
Безъ спросу—ну-съ, и вдругъ нежданно набрела
На парочку. Вы что-то, этакъ, съ жаромъ,
А Лена слушаетъ... Лицо горитъ пожаромъ
И вдругъ я слышу: «чмокъ!...»

ГОЛУБКОВЪ [вѣтаетъ смущенный].

Не помню.

НАДЯ.

Слышу: чмокъ...

Я изъ кустовъ нежданно—скокъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Прощайте.

НАДЯ.

Что? Куда?

ГОЛУБКОВЪ.

Я опоздалъ, простите;
Мнѣ нужно, виновать.

НАДЯ.

Ахъ, мнѣ-то что! Идите.

[Голубковъ уходитъ].

XI.

Надя одна, потомъ Невѣринъ.

НАДЯ.

Такъ вотъ что! И теперь онъ не совсѣмъ забылъ...
А я-то!

НЕВѢРИНЪ [быстро входитъ].

Хороши! Васъ ищутъ, ищутъ, ищутъ,
Двѣ горничныхъ по дому рыщутъ,
А прокурора чуть кондрашка не хватилъ —
А вы съ поэтомъ здѣсь!... Чудесно! Безподобно!

НАДЯ.

Иду, иду, иду!

НЕВѢРИНЪ.

Ахъ, мой Творецъ, какъ злобно!

НАДЯ.

Вы рады?

НЕВѢРИНЪ.

Очень радъ. Чему?

НАДЯ.

Да Голубкову!

НЕВѢРИНЪ.

А, смертельно радъ ему,
Смертельно. Ну, бѣжимъ.

[Входитъ Пискуновъ].

XII.

НЕВЪРИНЪ [замѣтивъ Пискунова].

Ба, дивное явленье!

Павлуша Пискуновъ!

НАДЯ [тихо].

Опять!

ПИСКУНОВЪ [Надѣ].

Мое почтенье. [Невѣрину].

Ахъ Левъ Антиповичъ, всегда васъ видѣть радъ.

НЕВЪРИНЪ [смотреть въ садъ].

Ба, драма!... Полилъ дождь—и всѣ бѣгутъ назадъ.

XIII.

Тѣ же, Спицынъ, Елена Павловна, Вѣра Демьяновна.

СПИЦЫНЪ.

Я весь промокъ. Ужасно!

Въ глазахъ темно, а голова горитъ...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Горячій чай и плѣдъ васъ мигомъ исцѣлитъ.

[Надя убѣгаетъ за плѣдомъ].

СПИЦЫНЪ.

Ахъ, нѣтъ! Теперь ужъ все напрасно!

НЕВЪРИНЪ.

Что, что случилось, что? Онъ молніей убитъ?

СПИЦЫНЪ.

Ознобъ и жаръ.

НЕВЪРИНЪ.

Ужасный видъ!

СПИЦЫНЪ.

Позвольте, я домой.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Какъ, по дождю? Ни шагу!

СПИЦЫНЪ.

Я не пѣшкомъ — Герасимъ ждетъ.
Подниметь верхъ... Приму я хины, лягу,
И можетъ быть... кто знаетъ?... все пройдетъ.

НЕВЪРИНЪ.

Прости! увидимся-ль?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Вы-бъ хоть одну минутку
Серьезнаго не обращали въ шутку.

[Надя приноситъ пледъ].

НАДЯ.

Возьмите пледъ.

НЕВѢРИНЪ [береть пладъ].

Вотъ онъ тебя спасетъ.

[Укутываетъ Спицына съ головой].

Вотъ такъ... вотъ такъ... Какъ посинѣли губы!

СПИЦЫНЪ.

Что? Что ты говоришь? [Идетъ къ двери].

НЕВѢРИНЪ.

Надѣнь четыре шубы,
Свою, мою, его... Они тебѣ простятъ.

СПИЦЫНЪ [уходя].

Зачѣмъ, зачѣмъ я вышелъ въ садъ!... [Уходитъ].

XIV.

Тѣ же, безъ Спицына.

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ гомерическаго смѣха
Достойный экземпляръ. [Пискунову]. Неправда-ль, другъ?

ПISКУНОВЪ [ухмыляясь].

Потѣха!

[Надя пожимаетъ плечами и уходитъ].

XV.

Тѣ же безъ Нади.

ПИСКУНОВЪ.

А я... я, знаете, того...
На лѣстницѣ я встрѣтилъ... Какъ его?
Онъ шелъ отъ васъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

А, Голубковъ? Едва ли
Его фамиліи вы до сихъ поръ не знали.

НЕВѢРИНЪ.

Да, случай вышелъ роковой.
Онъ самъ въ чиновники особыхъ порученій
Попастъ раздумывалъ... и вдругъ — увы, другой...
Да-съ. Это онъ былъ — нѣтъ сомнѣній.
Ну, что-жъ засимъ?

ПИСКУНОВЪ.

Такъ. Вспомнилъ! Голубковъ...
Онъ, авторъ множества стишковъ,
Опасный сердцеѣдъ...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

И это вамъ извѣстно?
Ему должно быть очень лестно,
Что въ первый день пріѣзда онъ
Такимъ вниманьемъ окруженъ.

НЕВЪРИНЪ.

Да какъ ему и избѣжать вниманья?
 Тутъ любознательность достойна подражанья:
 Мой другъ единственный... о, не зѣваетъ онъ!
 Все приведетъ въ извѣстность живо:
 И какъ—и что—и почему...
 Потомъ—глядишь—краснорѣчиво
 И съ жаромъ передастъ тому,
 Другому.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА [тихо].

Давно бы отказать отъ дому.
 [Пискунову].

Что этотъ Голубковъ—купецъ?

ПИСКУНОВЪ.

О, нѣтъ! Его отецъ
 Чиновникъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Маленькій?

ПИСКУНОВЪ.

Э, нѣтъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вѣдь отъ Сергѣя
 Вы слышали—они друзья.

ПИСКУНОВЪ.

Простите: сомнѣваюсь я,
Его отецъ—не помню слышалъ гдѣ я—
Извѣстный казнокрадъ.

НЕВѢРИНЪ.

Ну, братецъ, не попадѣ:
Его отецъ—честнѣйшій малый.
Сознайся, что привралъ.

ПИСКУНОВЪ.

Признаюсь... виноватъ...
Я нѣ о немъ слышалъ.

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ случай небывалый!
Отрекся!

ПИСКУНОВЪ.

Я всегда сознать ошибку радъ.

НЕВѢРИНЪ.

Конечно!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что за цѣль чернить людей, не зная?
Каковъ бы ни былъ онъ, намъ, право, дѣла нѣтъ.

ПИСКУНОВЪ.

Вы все вотъ про отца. Нѣтъ-съ, а каковъ поэтъ,
Мечтатель-то, душа святая:

Все промоталъ съ цыганками—и вотъ
 Господь сюда его несетъ
 Поправиться. Извѣстнѣйшій мотыга!
 Да-съ. Служба для такихъ несноснѣйшее иго,
 Но взявъ въ расчетъ и то, и то—
 Смекнулъ, что выгодно—и припорхнулъ мгновенно.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

За что вы на него напали вдругъ? За что?

ПИСКУНОВЪ.

Позвольте-съ слово: несомнѣнно,
 Что тутъ расчетъ—да въ томъ ли вся бѣда?
 И самъ ли захотѣлъ пріѣхать онъ сюда?
 Пускай побожится—не вѣрю, небылицы!
 Нѣтъ-съ! За долги, бездѣлье и развратъ
 Онъ просто высланъ изъ столицы.

НЕВѢРИНЪ [сухо].

Пересолилъ немного, братъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [вставая].

Довольно! я прошу уволить
 Отъ этихъ сплетенъ.

ПИСКУНОВЪ.

Виновать...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Ma chère!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я не могу позволить,
Чтобъ друга мужа моего
И сыновей его бранили въ нашемъ домѣ.

ПИСКУНОВЪ.

Я не сказалъ ни слова, кромѣ...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

За что напали вы такъ пылко на него?
Что предстоитъ ему хорошая карьера?
Что изъ столицы онъ? И клеветѣ есть мѣра;
Ужели ужъ ничѣмъ нельзя занять умы?
Я вамъ должна сказать, что въ дѣтствѣ были мы
Друзьями...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Mais de grâces!...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Новый поводъ къ толкамъ!

[Входитъ Суховъ, его не замѣчаютъ].

Ловите! Радуйтесь! Но ужъ сюда въ мой домъ
Не заносите ихъ...

ПИСКУНОВЪ.

Простите...

НЕВѢРИНЪ [тихо Пискунову].

Грянулъ громъ...

Отъ бури такой я взвылъ бы, другъ мой, волкомъ!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [замѣтивъ мужа].

Bonsoir, Сергѣй!

СУХОВЪ.

Bonsoir.

[Пискуновъ и Невѣринъ кланяются ему].

НЕВѢРИНЪ [Пискунову].

Ну, Пискунокъ, — во фронтъ!

СУХОВЪ [женѣ].

Что вздумалъ онъ еще разславить?

[Пискунову].

Вы слышали? Прошу мой домъ оставить.

ПИСКУНОВЪ [растерянный].

Что называется — аффронтъ.

ЗАНАВѢСЬ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Квартира Голубкова.

I.

СТЕПАНЪ [накрываетъ на столъ].

Ну, баринъ! Мертваго, ей-Богу, насмѣшить!

Вчера съ мнѣ говорить:

«Васъ какъ зовутъ?»—Кого-съ?—«Да ваше какъ про-
званье?»

Смекаю я—кого бы это насъ?

Кого-съ, молъ?!—«Фу-де наказанье!

Да васъ!»

То-есть меня-то... хмъ.

— Да Степкою, примѣрно.

«Степаномъ?»—Степкой-съ, вѣрно.

«Степаномъ», говоритъ. «Вы», говоритъ, «Степанъ».

«Вы», говоритъ, «того. Вы—этого»... Умора!

То-есть скажу одно: такого разговора,

Такихъ понятіевъ... какъ будто басурманъ.

[Звонокъ. Степанъ вздрагиваетъ отъ испуга, потомъ, сообразивъ, бѣжитъ въ переднюю. Черезъ нѣсколько секундъ входитъ Голубковъ].

II.

Степанъ и Голубковъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Никто ко мнѣ не приходилъ?

СТЕПАНЪ.

Да нешто я пуцу? Безъ васъ-то, сударь? Что вы!

ГОЛУБКОВЪ.

Ахъ, милый мой, вы безтолковы!

Я жду гостей.

СТЕПАНЪ.

Хозяйскій дворникъ былъ.

Насчетъ квартиры.

ГОЛУБКОВЪ.

Послушайте, а что-жъ портьеры?

Вѣдь я велѣлъ ихъ вынуть и прибить?

СТЕПАНЪ.

Я, сударь, не взялъ въ толкъ: словцо оно такое...

ГОЛУБКОВЪ.

Спросилъ бы, Господи!

СТЕПАНЪ.

Словцо оно чудное..

Я думалъ, вы изволили шутить.

[Голубковъ, махнувъ рукой, уходитъ въ кабинетъ. Степанъ подмигиваетъ на затворившуюся дверь и фыркаетъ. Звонокъ. Входитъ Горемычный].

III.

Горемычный, одинъ.

ГОРЕМЫЧНЫЙ [осматриваясь].

Не видно, что поэтъ... порядокъ. Что? Картина!

О, юность! Да, была година —

Не изнемогъ еще и я

Подъ грузной ношей бытія —

И могъ постигнуть наслажденье

Игрушками искусства...

Гдѣ-жъ бы могъ...

[Входитъ Голубковъ].

IV.

Горемычный и Голубковъ.

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Вы — Голубковъ? Мое почтенье.

ГОЛУБКОВЪ.

Кого имѣю честь?...

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Насъ свелъ счастливый рокъ!

Поэты оба мы. Да-съ, случай необычный!

Вы — Голубковъ, я — Горемычный;

Примите же, collega, мой привѣтъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Я радъ, но кто сказалъ, что я поэтъ?
Я, правда, баловалъ стихами,
Но нынче....

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Тсс! Клянуся небесами,
Что это скромность! Я читалъ
И даже кое-что, случалось, одобрялъ.
А вы меня читали?

ГОЛУБКОВЪ.

Въ какомъ журналѣ вы писали?

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Нигдѣ. И могъ ли я въ печать
Живую душу посылать?
Нѣтъ, этихъ воплей пламенной печали
Не знаетъ свѣтъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Вы лирикъ?

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Я? О, нѣтъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ драматургъ?

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Ни то и ни другое,
Совсѣмъ иное:

Я—всеобъемлющій поэтъ,
И вдохновенья кличками не мѣрю.

ГОЛУБКОВЪ.

Вотъ вы изволили сказать,
Что не хотѣли бы въ журналы посылать,
А слава-то?

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Я ни во что не вѣрю.
Зачѣмъ толпѣ мои страданья знать?
Я погребу съ собой души моей тревогу.
[Декламируетъ].

«Толпа, и внемля Богу,
Лишь воплями, какъ звѣрь, умѣетъ отвѣчать».

ГОЛУБКОВЪ.

Прекрасныя слова, но, кажется, не ваши?

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Да-съ, не мои; а что съ того?
Поэты пьютъ изъ общей чаши,
Гдѣ разлилося... божество.

ГОЛУБКОВЪ.

Оригинальнѣйшее мнѣнье
И очень сильныя слова.
Одно скажу: для божества
Вы выбрали плохое помѣщенье.

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Смѣетесь вы?...

ГОЛУБКОВЪ.

О, нѣтъ!

Я вамъ сочувствую: готовъ поклясться въ этомъ.

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

О времена позорныя! Поэтъ,
 Какъ скоморохъ, смѣется надъ поэтомъ!
 Я ошибался: вы мнѣ не собрать,
 Вы въ свѣтѣ истинномъ свой обликъ показали!
 Мнѣ — думы, полныя печали,
 Вамъ... волокитство и развратъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Вы не въ своемъ умѣ!

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Сурово!

Чтобъ все постигли вы — скажу я вамъ два слова:
 [Таинственно].

Елена Павловна... Смущень?

ГОЛУБКОВЪ.

Извольте выдти вонъ!

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Ого, меня?

ГОЛУБКОВЪ.

Я васъ прошу серьезно!

ГОРЕМЫЧНЫЙ.

Что-жъ, я уйду, а вы... раскаетесь, но поздно!

[Уходитъ. Въ дверяхъ сталкивается съ Невѣринымъ. Грозно взглянувъ на него, удаляется].

V.

Невѣринъ и Голубковъ.

НЕВѢРИНЪ.

Послушай, братъ,
Какъ залетѣлъ къ тебѣ сей мрачный психопатъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Да такъ. Вы—Голубковъ, я, дескать, Горемычный.

Поэты мы: вы, ergo, мой собратъ;
Потомъ обидѣлся на что-то; неприличный
Швырнулъ намекъ —
И былъ таковъ. Онъ жалокъ безконечно;
Онъ общее посмѣшище, конечно?

НЕВѢРИНЪ.

Не говори; онъ многихъ здѣсь увлекъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Чѣмъ?

НЕВѢРИНЪ.

Вѣрою въ себя! О, это много значить:
Хоть на одной ногѣ скачи,
Но вѣрь, что въ этомъ суть—глядишь—другой заскачетъ,
А тамъ еще, еще...

ГОЛУБКОВЪ.

Ну, Лева, замолчи.

Примѣръ твой отдастъ карикатурой.
Еще-то чѣмъ?

НЕВѢРИНЪ.

Призваніемъ своимъ —
И вдохновенной шевелюрой.

ГОЛУБКОВЪ.

Скажи мнѣ, онъ неизлечимъ?

НЕВѢРИНЪ.

Да отъ чего лечиться? Онъ не боленъ,
И хоть свирѣпъ на видъ, а все-жъ судьбой доволенъ.
Онъ парой сумрачныхъ страницъ
Плѣняетъ дохленькихъ дѣвицъ,
А кто не покадитъ ихъ хрупкому кумиру, —
Глядишь — и проглотилъ «сатиру»...
Смотри, придетъ и твой чередъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Надѣюсь, на-смерть не убьетъ?

НЕВѢРИНЪ.

Какъ знать! [Пауза].

Что кончились скитанья,
Объѣздилъ всѣхъ? Сбылись завѣтныя желанья?
Насытилъ чувство, умъ и взоръ?...

ГОЛУБКОВЪ [улыбаясь].

Ну, не скажу. Всѣхъ лучше прокуроръ.
Положимъ, иногда онъ странень...

НЕВѢРИНЪ.

Странень! Баба.

Что баба! Хуже: размазня!
Поетъ какъ соловей, а дѣйствуетъ какъ жаба.
Не вѣрь ему, дружокъ, послушайся меня...
Эхъ, милый! Трудно намъ отречься отъ привычекъ:
И нынѣ мы, какъ встарь, рабы мишурныхъ кличекъ.
«Передовикъ!» «Боецъ!» А поглядишь—такъ онъ
Передъ какимъ нибудь прохвостомъ
Вдругъ станетъ вдвое меньше ростомъ
И запоетъ нежданно въ тонъ.
А попытайся-ка сорвать съ него личину!
Тебя же заплюютъ. Да я хоть такъ прикину...
Ты скажешь: сей дѣлецъ—положимъ, адвокатъ,
Отмѣнно плутовать.
Сейчасъ поднимутся воинственные крики:
Какъ, противъ гласнаго суда!..
Эхъ, господа!
Принципъ его—принципъ великій,
И кто бранить его, тотъ просто мелеть вздоръ.
Да адвокатъ-то воръ!
Да, голубокъ, еще зѣло мы дики...
Ну... мимо!.. А еще туземныхъ чудаковъ
Нашелъ богатое собранье?

ГОЛУБКОВЪ.

А гдѣ ихъ нѣтъ, голубчикъ Левъ!

НЕВѢРИНЪ.

Трагическое восклицанье!

ГОЛУБКОВЪ.

А знаешь, здѣсь они и проще, и милѣй,
Какъ будто, — какъ сказать? — къ природѣ, къ правдѣ ближе.

НЕВѢРИНЪ.

Ну вотъ, поди же!
Твердить одно! Что можетъ быть смѣшнѣй?
Все тоже, братъ, и здѣсь, и лучшаго не надо...
Для наблюдателя. И чопорное стадо
Надутыхъ маменекъ, калѣчащихъ дѣтей
И развращающихъ послушныхъ дочерей,
Совѣтами — во что бы то ни стало,
Хоть съ помощью взаимнаго грѣха
Поймать повѣсу-жениха;
И прочихъ прелестей не мало,
Да я ужъ имъ пощаду дамъ...

ГОЛУБКОВЪ.

А дочери?

НЕВѢРИНЪ.

Ну, братецъ, «мимо! мимо!»
Какъ Теннисонъ пѣвалъ... Улыбка херувима,
Бесѣда дѣльная съ кокетствомъ пополамъ
И жажда всякихъ дивъ: и знанія, и свѣта,
И прочихъ жалкихъ словъ, прочтенныхъ у поэта,
А за кулисами...

ГОЛУБКОВЪ [улыбаясь].

А ты бывалъ и тамъ?

НЕВЪРИНЪ.

Случалось.

Въ нихъ дивно все перемѣшалось:
Порывы чистые и мелочный расчетъ
Ростовщика, что будущій доходъ,
По пальцамъ вычисляя хладнокровно,
Самъ на себя глядитъ любовно.
Наивность милая и хитрость, «умъ глупцовъ»;
И прямота, и маска лицемѣрья,
Невинность ангела... Увы, и къ ней довѣрья
Питать не слѣдуетъ, дружокъ...

ГОЛУБКОВЪ.

Ну, язычекъ!

НЕВЪРИНЪ.

Нѣтъ, что-жъ! Вѣдь я любя! у нихъ достоинствъ много.

Ты не смущайся, ради Бога!

Одно смутить тебя: плѣняють ихъ сердца

Равно: чувствительной поэзіи алмазы—

И полныя цинизма фразы

Полухмѣльного молодца

Изъ мѣстныхъ франтиковъ, не чающихъ жениться.

ГОЛУБКОВЪ.

Да, если это такъ, нельзя не возмутиться;
Но знаю я иныхъ.

НЕВЪРИНЪ.

Э, голубокъ ты мой!
Коль возмущаться всякой чепухой,
Такъ впору будетъ удавиться.

[Пауза. Невѣринъ смотритъ на часы].

Ого, второй!
Что-жъ не идетъ гостей желанныхъ рой?

ГОЛУБКОВЪ.

Ну, бросимъ ихъ. Смѣшно: съ тобою
Двухъ словъ я не сказалъ. Ты служишь?

НЕВЪРИНЪ.

Вотъ-те на!

Мнѣ и безъ службы жизнь красна!

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ чѣмъ же занять ты?

НЕВЪРИНЪ.

Собою.

ГОЛУБКОВЪ.

Безъ шутокъ!

НЕВѢРИНЪ.

Видишь, мы другъ друга не поймемъ—
Я знаю, братъ, твои младенческіе взгляды...
Внемли же и умри: я погруженъ—тайкомъ
Отъ многихъ чудаковъ—въ поставки и подряды.

ГОЛУБКОВЪ.

Подряды? Ты?

НЕВѢРИНЪ.

Да-съ, я. Что, братецъ, завопилъ?
Нельзя же быть весь вѣкъ восторженнымъ студентомъ.
Что тутъ преступнаго? А вѣдь вконецъ сразилъ
Тебя я этимъ инцидентомъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Не о преступномъ рѣчь; но ты-ль идти не могъ
Инымъ путемъ? Тебѣ ли за наживой
Бѣжать, какъ хищнику?

НЕВѢРИНЪ.

Весьма краснорѣчиво.

ГОЛУБКОВЪ.

Прельстилъ тебя общественный пирогъ?

НЕВѢРИНЪ.

Э, братъ, всѣ будемъ тамъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Избави Богъ!

НЕВЪРИНЪ.

Что-жъ, проживемъ—увидимъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Что-жъ, увидимъ.

НЕВЪРИНЪ.

А многое, что нынче ненавидимъ,
Возлюбимъ мы превыше дѣтскихъ грезъ.

Теперь одинъ вопросъ:

Я бѣдствовалъ, ты знаешь. Зависть, злоба

Меня душили, жгли огнемъ!

Что-жъ было дѣлать мнѣ? Какимъ идти путемъ?

Учить другихъ и голодать до гроба?

Что въ книжкахъ хорошо, то скверно на яву;

Вся эта мишура: любовь, свобода, слава—

Для нищаго не счастье, а отравя;

Я жить хотѣлъ—и я теперь живу.

ГОЛУБКОВЪ.

Живешь...

НЕВЪРИНЪ.

Э, голубокъ, избавь отъ поученья!

Повѣрь, я знаю ихъ давно.

ГОЛУБКОВЪ.

Немудрено:

Когда-то ты иныя убѣжденья
Самъ проповѣдывалъ.

НЕВѢРИНЪ.

Года прошли съ тѣхъ поръ.

ГОЛУБКОВЪ.

Оставимъ этотъ разговоръ.

НЕВѢРИНЪ.

Изволь, изволь. Ахъ, да, вотъ видишь ли, мой милый
Возьми-ка сей клочекъ

[Подаетъ Голубкову письмо].

И сдѣлай такъ, чтобъ нашъ сановный старичокъ
Прочелъ сіе.

[Голубковъ съ недоумѣніемъ смотритъ на письмо и машинально беретъ].

Откуда видъ унылый?
Ты письмаца сего бѣлѣй...

[Звонокъ].

Тсс... слышишь? мчится рой гостей—
Ну, соберись, голубчикъ, съ силой.

[Входитъ Пискуновъ].

VI.

Голубковъ, Невѣринъ, Пискуновъ.

ПИСКУНОВЪ.

Рекомендуюсь, Пискуновъ.
Не зная лично васъ, не смѣлъ бы, но Невѣринъ
Мнѣ говорилъ...

ГОЛУБКОВЪ [съ недоумѣніемъ].

Я радъ.

ПИСКУНОВЪ.

Я былъ увѣренъ,
Былъ душу заложить готовъ,
Что мы сойдемся.

НЕВѢРИНЪ.

Эка важность, душу!
А твой патронъ?

ПИСКУНОВЪ.

Не могъ:
Дѣла—никакъ не могъ; тьма цѣлая тревогъ:
Онъ... женится!

ГОЛУБКОВЪ.

На комъ?

ПИСКУНОВЪ.

Тсс! Тайны не нарушу.

НЕВЪРИНЪ.

Онъ? Старичокъ? Ба-атюшки, какъ вретъ!

ПИСКУНОВЪ [обидчиво].

Ну, вотъ—

Какая прибыль мнѣ?

НЕВЪРИНЪ.

О прибыли ни слова;
Ты изъ любви къ искусству врешь.

ПИСКУНОВЪ.

Хорошъ!

Бранится при чужомъ.

НЕВЪРИНЪ.

Ты что-жъ, про Голубкова?
Какой же онъ тебѣ чужой?
Какъ ты забывчивъ, милый мой!
Не дальше, какъ вчера, подробнѣйшимъ манеромъ
Ты разбиралъ его...

ПИСКУНОВЪ [быстро Голубкову].

Ей-Богу шутить онъ.

НЕВѢРИНЪ.

Да-съ! Тамъ въ чертогѣ томъ, откуда ты карьеромъ
Нежданно вылетѣлъ—испуганъ и смущенъ.

ПИСКУНОВЪ [Голубкову].

Не вѣрьте!

ГОЛУБКОВЪ.

Отчего-жъ? Вѣдь вы меня не знали
И, вѣрно, сильно не ругали?

ПИСКУНОВЪ.

Васъ? Господи! Да васъ я сразу полюбилъ;
Готовъ поклясться, съ перваго свиданья!
Напротивъ, я вчера-съ сердечно васъ хвалилъ!

НЕВѢРИНЪ.

Попался! Полъ-вины сбавляю за признанье.

ПИСКУНОВЪ [растерянный].

Да, братецъ, ты того... не понялъ...

[Звонокъ].

НЕВѢРИНЪ.

Ну, дружокъ,

Опять звонокъ,

Кого-то чертъ несетъ?

[Входитъ Суховъ и Надя].

VII.

Тѣ же, Суховъ и Надя.

СУХОВЪ.

А вотъ и мы... не ждали?

ГОЛУБКОВЪ [идя на встрѣчу].

Какъ мнѣ благодарить...

СУХОВЪ.

Она виной всему.

Везите, говорить, къ нему—
Не то изсохну отъ печали.

НАДЯ [Голубкову].

Не вѣрьте.

НЕВѢРИНЪ [Надѣ].

Хороши... такъ прямо и сказать:
Изсохну!... Боже мой!... Вотъ наше воспитанье!

НАДЯ.

Опять вы за ворчанье?
Зачѣмъ тутъ Пискуновъ?

НЕВѢРИНЪ.

Прикажете убрать?

СУХОВЪ [оглядывая комнату].

Прекрасно. Здѣсь [указываетъ на письменный столъ] дѣ-
лами заниматься,

Тутъ [указывая на софу] созерцанью предаваться...

Прекрасно. Радъ за васъ. Позвольте курить?

ГОЛУБКОВЪ [придвигивая спички и
пепельницу].

Помилуйте!

[Пискуновъ подбѣгаетъ и зажигаетъ спичку. Суховъ, пристально
глядя на него, медленно вынимаетъ портсигаръ. Спичка Писку-
нова гаснетъ, онъ зажигаетъ другую. Суховъ, вынувъ папироску,
закуриваетъ самъ. Пискуновъ стушевывается].

ГОЛУБКОВЪ [Надѣ].

Не нахожу и словъ,
Чтобъ выразить, какъ я вамъ благодаренъ.

НАДЯ.

Ну, что!... Ахъ этотъ Пискуновъ—
Зачѣмъ вы съ нимъ? И пусть онъ, и бездаренъ...

ГОЛУБКОВЪ.

Онъ добрый, кажется... Да Богъ съ нимъ! Что у васъ?
Старушка все ворчитъ?

НАДЯ.

Ужасно надоѣла.

Послушайте—у васъ немного дѣла?

Сегодня мы въ гостяхъ, а завтра вы у насъ?

Мнѣ хочется наговориться съ вами...

Вѣдь мы, какъ прежде мы, друзьями?

Вы знаете, мнѣ скучно тутъ!
 Вѣдь каждый день одно и то же...
 Вѣдь эти сплетни, дразги... Боже,
 И чѣмъ, и какъ они живутъ!
 Ни чувства свѣжаго, ни мысли благородной!
 Невѣринъ лучше всѣхъ—но онъ такой холодный—
 И больше съ Леной.

ГОЛУБКОВЪ.

Да? Все съ ней?

НАДЯ.

Они друзья.

А я...

Я все одна...

СУХОВЪ.

Ну, что, наговорилась?

Пора.

НАДЯ.

Минуточку.

СУХОВЪ.

Да ты въ него влюбилась?

НЕВѢРИНЪ.

Ну-съ, признавайтесь: да иль нѣтъ.

СУХОВЪ.

Скажи—посватаемъ.—Ну, милый мой поэтъ.

Примите на прощанье

Благія пожеланья.

Да кстати: вамъ надняхъ

Придется покатить въ уѣздъ на всѣхъ парахъ,
На слѣдствіе. Вотъ случай отличиться!

Все мнѣ изложите, — пожалуй, хоть въ стихахъ.

Я вашихъ не читалъ и радъ бы насладиться;

Построже дѣйствуйте: чувствительность долой

Съ ея заемною гуманной мишурой.

Вернетесь — и опять слывите либераломъ —

Ни слова не скажу. Я самъ передовой,

Пока не нужно вдругъ явиться генераломъ...

Ну, стрекоза, за мной!

[Суховъ и Надя уходятъ. Голубковъ провожаетъ ихъ и возвра-
щается].

VIII.

Невѣринъ, Пискуновъ и Голубковъ.

ПИСКУНОВЪ.

Ха, осчастливилъ самъ....

НЕВѢРИНЪ.

Что, милый другъ — завидно?
Дорогу перебилъ, а ты и на бобахъ?

ПИСКУНОВЪ.

Какой вы... Право, стыдно!

[Голубкову].

Душою добръ, а на словахъ...

НЕВѢРИНЪ.

Тсс, кто-то есть.

[Входитъ Осколковъ].

IX.

Тѣ же и Осколковъ.

НЕВѢРИНЪ.

А, старичекъ, здорово!

ОСКОЛКОВЪ [Голубкову].

Мое почтеніе. Я радъ, душевно радъ
Узнать поближе васъ...

НЕВѢРИНЪ [Голубкову].

Тсс! Осторожнѣй, братъ,
Ни слова!

Не-то какъ липку обдереть,
Какъ только сблизится съ тобою.

ОСКОЛКОВЪ [здороваясь съ Невѣринымъ].
Такой же все шутникъ!

[Здоровается съ Пискуновымъ].

ПИСКУНОВЪ.

А что-жъ, когда со мною
Въ пикетецъ?

ОСКОЛКОВЪ.

Хоть сейчасъ.

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ, вотъ!

Эхъ, старичекъ!

[Осколковъ въ креслѣ около Голубкова; Пискуновъ рассказываетъ что-то Невѣрину].

ОСКОЛКОВЪ.

А вы... играете въ картишки?

ГОЛУБКОВЪ.

Нѣтъ, не любитель я.

ОСКОЛКОВЪ [огорченный].

Естественно-съ! А тутъ,
Въ семь захолустномъ городишкѣ,
Вѣдь ими-съ только и живутъ.
Бывало, сынъ меня жестоко укоряетъ...
Онъ нынче въ Харьковѣ, студентъ.
Да что! Чуть-чуть не голодаетъ!
Что-жъ, иногда пошлешь ему въ презентъ
Кредитокъ... такъ куда! Я самъ, молъ, съ головою,
Я выбьюсь, говорить... Вотъ то-то молодежь!

ГОЛУБКОВЪ.

А что-жъ?

Повѣрьте, закаленъ борьбою,
Онъ выбьется—а тамъ
Пришлетъ кредитокъ вамъ...
Такимъ ли пропадать?

ОСКОЛКОВЪ.

[Со слезами жметъ руку Голубкову].

Спасибо вамъ, спасибо!

Эхъ, батюшка вы мой!

Гляжу на васъ—и словно вы родной.

[Таинственно].

Повѣрите-ль, я съ ними нѣмъ, какъ рыба.

Вѣдь не съ кѣмъ душу отвести:

Тотъ франтикъ вретъ, какъ сивый меринъ,

И сплетникъ же... о, Господи прости!

А Левъ Антиповичъ Невѣринъ...

Иванъ Андреевичъ, не знаете вы ихъ:

Вѣдь обобралъ своихъ родныхъ,

Мать по-міру пустилъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Позвольте! Извините!

Да мать его давно ужъ умерла!

ОСКОЛКОВЪ [нѣсколько оторопѣвъ].

Вотъ то-то-съ. Сами посудите:

Ну какъ она бы съ такимъ жила?

Какъ не умрешь тутъ отъ позора?

НЕВѢРИНЪ [хохочетъ].

Нѣтъ, это чистая умора!

[Пискуновъ продолжаетъ рассказъ].

ОСКОЛКОВЪ.

Да-съ. Съ губернаторшей онъ первымъ былъ дружкой.
Шептался съ ней, читалъ ей книжки
И чрезъ нее обдѣлывалъ дѣлишки.
А нынче что-то врозь. Да, малый онъ съ умомъ:
Васъ нынче впутаетъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Меня?

ОСКОЛКОВЪ.

Да всеконечно.

Онъ съ генераломъ не дружить,
Такъ черезъ васъ теперь къ подрядцамъ побѣжить.
Вѣдь нашъ-то любить васъ сердечно,
Да и супруга-то ужъ такъ-то любить васъ
По старой дружбѣ,
Что будетъ помогать усердно вашей службѣ.

ГОЛУБКОВЪ [вспыхнувъ].

Оома Оомичъ, все это сплетни!

ОСКОЛКОВЪ.

Да-съ?

Что-жъ, охлажденіе?

ГОЛУБКОВЪ.

Я васъ просилъ бы...

ОСКОЛКОВЪ.

Что вы!

Какъ вспыхнули! Ужъ больно вы суровы.

Да, батюшка! Вы разглядите насъ—
Всѣ хороши! Возьмемъ хоть прокурора:

Всѣхъ губернаторовъ провелъ,
Какъ вѣдьма золь,

А говорить—такъ небу жарко.

Гордится! Ну, а чѣмъ? Что мать его шинкарка,
Что пьяница отецъ, а тетка...

ГОЛУБКОВЪ [встаетъ].

Силы нѣтъ.

ОСКОЛКОВЪ.

А тетка...

[Входитъ Спицынъ].

Х.

Тѣ же и Спицынъ.

ОСКОЛКОВЪ.

Маммочка!... Душевный мой привѣтъ!!...

СПИЦЫНЪ [здоровается со всѣми].

И вамъ привѣтъ! И вамъ... А, славно выпить чаю—
Мнѣ что-то холодно. [Голубкову]. Да вы, я замѣчаю,
Устроились недурно... И коверъ,
И пальмы, и софа... И мило, и уютно.

ПСКУНОВЪ [тихо].

Недаромъ папенька-то воръ.

СПИЦЫНЪ [пьетъ чай].

Вы женитесь? Я что-то слышалъ смутно.

ГОЛУБКОВЪ.

Я? нѣтъ.

ОСКОЛКОВЪ.

А отчего-жъ того,
И не обзавестись... Оно бы и вольнѣе...
Кто заподозритъ васъ въ интрижкѣ, напимѣрь,
Когда жена у васъ...

ГОЛУБКОВЪ.

Нельзя ли безъ интрижекъ!

ПСКУНОВЪ.

Вы молоды еще, вы начитались книжекъ...

НЕВѢРИНЪ.

Да, не тебѣ чета.

ПСКУНОВЪ.

А въ жизни много зла,
И многихъ жизнь съ пути свихнула.
Да-съ, ежели тряхнетъ...

СПИЦЫНЪ.

Тебя она тряхнула
И все что было здѣсь [показываетъ на лобъ] давно порас-
трясла!

П И С К У Н О В Ъ [обидчиво.]

Э, Нилъ Арсеньевичъ!

О С К О Л К О В Ъ.

Прелестно, хоть и колко!
[Голубкову].

Каковъ-съ? Нахаль и злѣе волка.

С П И Ц Ы Н Ъ [Голубкову].

Ну-съ, ваша служба какъ пошла?
Довольны ею?..

Г О Л У Б К О В Ъ.

Самъ еще не знаю...

С П И Ц Ы Н Ъ.

Останетесь надолго?

Г О Л У Б К О В Ъ.

Полагаю.

С П И Ц Ы Н Ъ.

Да, батенька, настали времена!
И тишь, и гладь. Служи себѣ смиренно,
Да книжекъ не читай—и вотъ чѣмъ жизнь красна!
Чей голосъ громокъ? Чей?—Продажнаго витіи!
А кроткій либераль и радъ протестовать,
Да дѣти и жена... Его и не слышать.
И вотъ несется кличъ по матушкѣ Россіи
И повторяется невѣждами стократъ,
Неугомонный кличъ: назадъ! назадъ! назадъ!..

НЕВѢРИНЪ.

Завелъ шарманку... тѣкъ-съ. А голубокъ-то таетъ.

ОСКОЛКОВЪ.

На свѣжаго напалъ.

ПИСКУНОВЪ.

Хмъ! Такъ вѣдь и впиваетъ!

НЕВѢРИНЪ.

Отбилъ мѣстечко, а? И сильно душить злость?

ПИСКУНОВЪ.

Моя возьметъ! Я родственникъ, онъ—гость.

СПИЦЫНЪ.

Да, кстати, позабылъ! Тебя, тебя къ допросу

Многопочтенный Пискуновъ.

Я слышалъ, братъ, въ одинъ изъ милыхъ всѣмъ домовъ

Ты не показываешь носу?

НЕВѢРИНЪ.

Да, да! Вниманье, Голубковъ.

СПИЦЫНЪ.

Я слышалъ—грянулъ громъ—и ты исчезъ изъ храма,
Гдѣ часто Бахусу ты жертвы приносилъ,

И кстати столько фиміама

Сановной парочкѣ курилъ?

ПИСКУНОВЪ.

Я, братецъ, гордъ—и могъ ли я позволить,
Чтобы меня... того... безъ дальнихъ словъ...

Ну, нѣтъ, прошу меня уволить,
Я не таковъ.

ОСКОЛКОВЪ [Голубкову тихо].

Отъ дяденьки голубчика-то въ шею,

ГОЛУБКОВЪ.

За что?

ОСКОЛКОВЪ.

Сказать вамъ не съумѣю.
За драку, надо быть.

СПИЦЫНЪ.

Вниманье, господа!

[Пискунову].

Ну, говори.

ПИСКУНОВЪ.

Да что, признаться, ерунда.
Не стоитъ вспоминать.

ОСКОЛКОВЪ.

Ахъ, ангельчикъ, понятно!

[Дѣлая жестъ, какъ бы выталкивая].

Кому пріятно?

ПИСКУНОВЪ.

А вамъ, Оома Оомичъ,—я вамъ скажу одно:
Смѣяться нечего; нисколько не смѣшно.

Подумаешь—великая потеря,
Что эта старая тетеря
Меня не будетъ принимать...
Да наплевать!

Ну-съ, а она... кой-что я тоже знаю,
И только не хочу,—а если пожелаю...
Пускай она себѣ финтитъ,
Гордячка... бѣсъ и въ ней сидитъ!
Пусть дурачковъ она приводитъ въ умиленье,
Да-съ! А сама, позвольте вамъ сказать,
Чуть не таскается.

ГОЛУБКОВЪ.

Молчать!

Молчать, наглецъ!

ПИСКУНОВЪ [оторопѣвъ].

Какъ? Что вы? Оскорбленье?...
Я... вызываю васъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Вамъ жизнь недорого?

ОСКОЛКОВЪ [Голубкову].

Огонь!.. Ахъ, маммочка! [Тихо]. Тьфу, поскорѣй убраться.

ПСКУНОВЪ [Голубкову].

Я вызываю васъ! Мы завтра-жъ будемъ драться!

ГОЛУБКОВЪ.

Я вашъ покорнѣйшій слуга.

НЕВѢРИНЪ [Голубкову].

Послушай, ну, чего ты вспыхнулъ, какъ мальчишка?

Великая, подумаешь, бѣда,
Что лишній разъ совреть лгунишка!

ПСКУНОВЪ.

Зачѣмъ же такъ-съ? Позвольте, господа!

Я гордъ, еще разъ повторяю,
И не стерплю обидныхъ словъ.

Я вызвалъ на дуэль—и это подтверждаю;
Я всѣмъ за правду жертвовать готовъ.
Но слушать разныя такія оскорбленья...
Я... не люблю-съ.

Мое почтенье.

[Дѣлаетъ общій поклонъ и уходитъ].

XI.

Тѣ же, безъ Пискунова.

НЕВѢРИНЪ [хохочетъ].

Вотъ это—форменный дуракъ.

СПИЦЫНЪ [Голубкову].

Вашъ секундантъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Благодарю васъ.

НЕВЪРИНЪ.

Какъ!

Ты секундантъ? Вотъ это славно!
 Что-жъ, голубки, готовьтесь на дуэль,
 А франтъ сей удереть поутру преисправно
 Dahin, Dahin... за тридевять земель.

ОСКОЛКОВЪ.

Нѣтъ, каково-съ? Такое оскорбленье...
 За это-бъ разложить...

Ахъ, душка Голубковъ!

Огонь!

Ну, мнѣ пора. Друзья, мое почтенье!

[Уходя, тихо].

Давно такихъ не видѣлъ дураковъ.

XII.

Тѣ же, безъ Осколкова.

СПИЦЫНЪ [Голубкову].

И такъ, я вашъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Спасибо.

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ потѣха.

[Спицыну тихо].

Съ младенцемъ ты связался ради смѣха?

[Голубкову].

Опомнись, братъ! Смѣшно, ей-Богу, Голубковъ!

СПИЦЫНЪ.

Нисколько не смѣшно. Давно-бъ его къ барьеру!

Что выдумалъ! Вѣдь этакій нахаль!

Способенъ онъ устроить вамъ скандалъ

И повліять серьезно на карьеру,

У нашихъ горожанъ сердца добры не въ мѣру:

За сплетню о другомъ—всѣ гадости простятъ;

И я скажу вамъ безъ ошибки,

Что скоро встрѣтитъ онъ нѣжнѣйшія улыбки

Тѣхъ, что теперь о немъ и слышать не хотятъ.

НЕВѢРИНЪ [Голубкову].

Все это близко къ правдѣ, братъ,

Мотай себѣ на усъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Что мнѣ до глупыхъ толковъ!

НЕВѢРИНЪ.

Ну, братъ, не говори. Вотъ старичокъ Осколковъ;

Чудесный семьянинъ—и шулеръ недурной,

А въ клеветѣ любому не уступить:

Сначала лестью душу купить—

Потомъ... продастъ ее съ лихвой.

ГОЛУБКОВЪ.

Да гдѣ-жъ я? Въ омутѣ?

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ, просто къ правдѣ ближе.

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ низко пасть!

НЕВѢРИНЪ.

Э, братецъ, можно ниже!

СПИЦЫНЪ.

А все-таки завидую я вамъ:

Вѣдь вы для нашихъ дѣвъ и дамъ
Героемъ станете... за васъ я торжествую!

Добро бы за себя—вступить за другую,

Рѣшиться на кровавый бой...

Помилуйте, да это-ль не герой!

ГОЛУБКОВЪ.

До вашихъ дѣвъ и дамъ мнѣ очень мало дѣла.

СПИЦЫНЪ.

Немножко смѣло!

До всѣхъ ли, полно, дѣла нѣтъ?..

Примите, господа, прощальный мой привѣтъ.

[Уходитъ].

XIII.

Голубковъ и Невѣринъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Что это? Здѣсь и тамъ прозрачные намеки...

НЕВѢРИНЪ.

Жизнь дорого беретъ, голубчикъ, за уроки.

ГОЛУБКОВЪ.

Хорошъ и ты.

НЕВѢРИНЪ.

Какъ? Я-жъ и виновать?

Помилуй, братъ,
За что?

ГОЛУБКОВЪ.

Или тебя не возмущаетъ,
Что этотъ негодяй съ холопскою душой
Изъ мести женщину пятнаетъ
Такой позорной клеветой?

НЕВѢРИНЪ.

Не возмущаетъ, милый, грѣшенъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ знай же: въ сплетнѣ ты замѣшанъ!
Мнѣ этотъ клеветникъ сѣдой
Шепнулъ, что ты... что будто съ нею...

НЕВѢРИНЪ.

Ну, что-жъ? Смѣлѣе, милый мой!
Ты вѣришь?

ГОЛУБКОВЪ.

Я ее жалѣю...
Здѣсь, въ этомъ омутѣ...

НЕВѢРИНЪ.

Постой, душа моя;
Ты вѣришь старичку?

ГОЛУБКОВЪ.

Ахъ, самъ не знаю я,
Чему тутъ вѣрить и не вѣрить!

НЕВѢРИНЪ.

Что-жъ, можетъ, онъ и правъ. Не стану лицемѣрить.

ГОЛУБКОВЪ [вспыхнувъ].

Невѣринъ!

НЕВѢРИНЪ.

Какъ? Обидѣлъ я тебя?
Что-жъ, ты ее готовилъ для себя?
Постой, не вспыхивай. Гремучими рѣчками
Плѣняй незрѣлыхъ дѣвѣ—плѣняться имъ досугъ,
Ну, а меня ни прозой, ни стихами
Не запугаешь, милый другъ.
И такъ, намекъ туманный брошенъ,
И ты, какъ колосъ, имъ подкошенъ!

А я вотъ ничего; и веселъ, и здоровъ,

И снова слушать ихъ готовъ.

Я, видишь, — въ сторонѣ. Пускай они мараютъ

Другъ друга безъ конца — не стану я грязнѣй.

Ахъ, укажи мнѣ край, гдѣ темныхъ нѣтъ людей,

Гдѣ сплетни милыя привольно не порхають...

Что зря негодовать? Я самъ себѣ не врагъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Такъ задыхайся-жъ здѣсь! Упейся клеветами!

А я — меня прости. Я не пойду за вами.

Я знаю край иной и путь иной!..

НЕВѢРИНЪ [смѣется].

Чудакъ!

[Встаетъ].

Ну, къ дѣлу. Я иду, такъ помни письмецо-то!

Онъ, пообѣдавши, разсѣяннѣй, добрѣй...

ГОЛУБКОВЪ.

Все это смутно что-то.

Ты можешь высказать яснѣй?

НЕВѢРИНЪ.

Изволь. Вотъ видишь ли, все дѣло о подрядѣ.

Соперникъ у меня; такъ въ письмецѣ о немъ

Все ясно сказано: подлецъ онъ подлецомъ.

Коль это помянуть въ докладѣ,

Что въ Питеръ старецъ нашъ строчить о насъ о двухъ, —

Подрядъ-то будетъ мой.

ГОЛУБКОВЪ.

А кто писалъ?

НЕВЪРИНЪ.

Письмо-то?

Ну Х., ну Z... Тебѣ, вишь, знать охота!
И отъ себя прибавь... Ужъ будь мнѣ добрый духъ.

ГОЛУБКОВЪ.

И ты подумать могъ... Нѣтъ, ты меня морочишь!
Какъ низко палъ ты!.. Какъ! Меня ты сдѣлать хочешь
Орудіемъ мошенничества...

НЕВЪРИНЪ [вспыхнувъ].

Нно!!

ГОЛУБКОВЪ.

Молчи! Я понялъ все! [Бросаетъ письмо Невѣрину]. Возьми
доносъ свой лживый
И... и оставь меня.

НЕВЪРИНЪ.

Мой другъ краснорѣчивый,
Вотъ если-бъ у тебя здѣсь не было темно,
Я-бъ выяснилъ тебѣ...

ГОЛУБКОВЪ.

Оставь меня.

НЕВѢРИНЪ.

Охотно.

Но если ты хоть звукъ...

ГОЛУБКОВЪ.

Я не доносчикъ!

НЕВѢРИНЪ.

Такъ.

[Голубковъ садится къ столу, уронивъ голову на руки].

Прощайте. Спите беззаботно.

Да вы разстроены, никакъ?

Вы плачете?... Ахъ, *idol mio*,

Не взвыть бы завтра вамъ... *Addio!*.. [Уходитъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢИСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостинная въ домѣ Сухова. Елена Павловна и черезъ нѣсколько мгновений Вѣра Демьяновна.

I.

Елена Павловна и Вѣра Демьяновна.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Нéлène—вниманіе; я буду говорить—

И говорить серьезно.

Нéлène, опомнитесь! Зачѣмъ себя губить?

Опомнитесь—иль будетъ поздно!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

О, Боже мой, какъ мрачно и какъ грозно!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Къ чему стремитесь вы?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Стремлюсь я васъ понять.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Что видите, Hélène, вы передъ собою?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Пока одинъ туманъ—не скрою.

Что вамъ угодно мнѣ сказать?

Я запасусь заранѣе терпѣньемъ—

И буду слушать... съ наслажденьемъ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Извольте. Голубковъ—вашъ другъ, старинный другъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вы это знаете?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Все вижу я, все знаю!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

А вашъ супругъ,

Онъ знаетъ это?... Нѣтъ!!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что мы друзья? Не знаетъ...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Но день придетъ—онъ угадаетъ.
А что бы сдѣлалъ онъ, когда-бъ
Узналъ нечаянно? Онъ легкомысленъ, слабъ,
Но кровь дворянская въ немъ льется—
Кровь губернатора!..—Смѣется!!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Простите.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Вамъ смѣшно—такъ знайте-жъ: черезъ часъ
Онъ все узнаетъ—все. Завѣса пала съ глазъ;
Я вижу васъ насквозь!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

За васъ я очень рада.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Безумный мальчикъ! Какъ онъ смѣлъ!
Зачѣмъ сюда онъ прилетѣлъ?
Васъ видѣть? Васъ увлечь?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Э, полноте! Не надо
Смотрѣть такъ мрачно. Онъ? Увлечь?
Онъ милый юноша—и только.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Его вы... любите?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Нисколько,

Но онъ мнѣ нравится.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Я васъ предостеречь,
Нелене, хотѣла,
И, къ сожалѣнью, въ этомъ не успѣла;
Весь городъ говорить о васъ,
А гласъ народа—Божій гласъ;
Васъ ждетъ ударъ, обиды, муки...
Я все сказала... все! И умываю руки.
[Уходитъ].

II.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

[Нѣсколько мгновений одна].

И смѣхъ, и слезы, и досада!
Чего бояться имъ? Что отъ меня имъ надо?
«Его вы любите»? Ну, что-жъ, люблю,
Какъ дѣтство глупое, какъ молодость свою,
Спокойно, безъ тревогъ и тягостныхъ сомнѣній.
Пусть онъ не геній—
Онъ чище васъ, онъ лучше васъ, и съ нимъ
Сама я чище и моложе.
А страсть... года прошли—и не вернуться имъ...
Мнѣ мой покой дороже.

Одинъ зажегъ ее... зажегъ—и потушилъ...
 Одинъ... нашъ общій другъ... Я только это знаю.
 Теперь съ улыбкою я все припоминаю,
 А если-бъ онъ меня любилъ...

[Пауза].

Что это я? Смѣшно сказать:
 Мнѣ-ль, губернаторшѣ и львицѣ,
 О чувствахъ призрачныхъ мечтать,
 Какъ любознательной дѣвицѣ.

[Входитъ Суховъ].

III.

Елена Павловна и Суховъ.

СУХОВЪ.

Ну отличился нашъ Ванюша Голубковъ!
 Ко мнѣ сейчасъ лишь вѣсти долетѣли—
 И знаете, о чемъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Какъ знать мнѣ?

СУХОВЪ.

О дуэли.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Дуэль?

СУХОВЪ.

Ну да. Павлуша Пискуновъ
Его туманными намеками обидѣлъ—
И свѣта нашъ герой не взвидѣлъ,
Чуть въ драку не вступилъ, былъ вызванъ... до зари
За городомъ сошлись они... [Пауза].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да что-же!
Ахъ говори-же, говори!
Онъ раненъ?

СУХОВЪ.

Прямо въ сердце.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Боже!

СУХОВЪ.

Ты поблѣднѣла? Что съ тобой!
Голубчикъ, я всему виной,
Но, право, я не ждалъ волненія такого,
Прости меня, но я не все сказалъ:
Онъ раненъ въ сердце... сплетней Пискунова;
Дуэли не было: одинъ изъ нихъ бѣжалъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Какія шутки странныя! Волненье
Мое понятно...

СУХОВЪ [съ ироніей].

Можетъ быть.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я не хотѣла говорить,
Но все скажу, чтобъ искрой подозрѣнья
Не могъ меня ты оскорбить.
Мы въ дѣтствѣ были съ нимъ друзьями
И... онъ любилъ меня. Теперь
Ты можешь... Нѣтъ, не можешь! Вѣрь,
Давно все кончено межъ нами,
Намека, искры нѣтъ того, что прежде насъ
Соединяло... ты... ты мнѣ не вѣришь?!....

СУХОВЪ.

Васъ

Я слушаю съ большимъ вниманьемъ.
Мнѣ новы рѣчи, полныя огня.
Вы неожиданнымъ признаньемъ
Такъ озадачили меня...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что въ васъ родилось подозрѣнье?
Что испугались вы? Чего?!...
Какой позоръ! Какое униженье!
Какъ вы стыдиться будете его?

[Уходитъ].

IV.

СУХОВЪ [одинъ].

Кто женщину пойметъ!.. Лгала она?.. Едва-ли:
 Взглядъ негодующій, исполненный огня...
 Комедія? И то сказать: меня
 И прежде женщины изрядно надували—
 А я ли ихъ не изучалъ?
 Мнѣ-ль обвинять себя въ наивномъ ослѣпленьи?
 Одно осталось мнѣ въ печали утѣшенье,
 Что я ихъ чаще надувалъ.
 А тутъ... услышалъ я-жъ упреки...
 Такъ возмутилася она...
 Эхъ! не измѣна мнѣ страшна,
 А пересуды, да намеки!..

[Уходитъ; черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ Осколковымъ].

V.

СУХОВЪ и ОСКОЛКОВЪ.

СУХОВЪ.

Сюда, Тома Томичъ. Присядьте на диванъ...
 Вотъ такъ. Что новаго?

ОСКОЛКОВЪ.

Признаться, ваше—ство,
 Почти что ничего.

СУХОВЪ.

Я это зналъ заранѣ.
Обиженъ Господомъ нашъ милый городокъ!
Хоть драмой-бы порадовалъ кровавой!
А то—живемъ себѣ спокойно, безъ тревогъ...

ОСКОЛКОВЪ.

Ахъ, батюшки! Ахъ Боже правый!
Не драма, ваше—ство,—трагедія была!
Вотъ память-то! Совсѣмъ отшибло!
Чуть двое сразу не погибло,
Почти дуэль произошла.

СУХОВЪ.

Какъ, на словахъ?

ОСКОЛКОВЪ.

Да-съ, на словахъ покуда,—
Да поилась-бы кровь—не выйди только чудо;
Одинъ герой исчезъ... какъ метеоръ... ей-ей!
Да вы ихъ знаете-съ: тотъ сплетникъ безшабашный—
И другъ нашъ Голубковъ. Случился-бъ казусъ страшный,
Но Пискуновъ рѣшилъ мудрѣй—
И скрылся.

СУХОВЪ.

Такъ, хвалю. А кто виновникъ ссоры?

ОСКОЛКОВЪ.

Да оба-съ; Пискуновъ пустился въ разговоры
Интимные-съ,—да сразу и того:

Бацъ—имя! Тутъ-то, ваше—ство,
 Чуть не дошло до драки.
 Вы—Голубковъ гремитъ, —узнали мой секретъ!
 Откуда? Какъ? А впрочемъ это—враки!
 Я самъ-де спутался, а связи дескать, нѣтъ!
 Вы этимъ мнѣ испортите карьеру.
 Я, говорить, не потерплю...
 И съ кулаками кинулся... «къ барьеру!»
 Тутъ я ушелъ; скандаловъ не люблю.

СУХОВЪ.

Какъ глупо все!—Что-жъ это имя—тайна?
 И скоро-же романъ завелся у него!

ОСКОЛКОВЪ.

Да это все, вѣдь, ложь-съ! Быть можетъ, ваше—ство,
 Вы нынче-же его узнаете случайно,—
 А я—я воздержусь отъ лишнихъ словъ.
 Отъ сплетенъ я бѣгу; съ измальства я таковъ.

СУХОВЪ.

Вы правы, какъ всегда.

[Входятъ Невѣринъ и Спицынъ].

VI.

Тѣ же, Невѣринъ и Спицынъ.

ОСКОЛКОВЪ.

Ба, сразу два партнера.

СУХОВЪ.

А, очень радъ вамъ, господа!
Присядьте. [Спицину] Что, вы изъ суда?
Побѣда?

СПИЦЫНЪ.

Какъ всегда.

НЕВЪРИНЪ.

Онъ нынѣ наложилъ печать позора
На парня бѣглаго, да уличнаго вора.

СПИЦЫНЪ.

А Голубкова нѣтъ?

СУХОВЪ.

Э, онъ намъ не партнеръ!

ОСКОЛКОВЪ.

А хоть бы и игралъ, такъ нынче до того-ли?
Онъ въ шлемѣ безъ пяти поставить поневолѣ.

СУХОВЪ.

Ну, бросимъ праздный разговоръ
И къ дѣлу. Долго намъ играть и не придется:
Три робера, а тамъ
Вы занимать извольте дамъ...

НЕВЪРИНЪ.

А много нынче соберется?

СУХОВЪ.

Хотѣли быть баронъ да баронесса Штраммъ,
Да...

[Входитъ Голубковъ].

VII.

Тѣ же и Голубковъ.

СУХОВЪ.

А, желанный гость!

ОСКОЛКОВЪ [тихо].

Желанный для супруги.

[Голубкову].

Ну, душечка, какъ вы? Въ разстройствѣ?

ГОЛУБКОВЪ.

Отчего?

ОСКОЛКОВЪ.

Скрываетъ, ваше—ство,

А на лицѣ гроза.

СПИЦЫНЪ [Голубкову тихо].

И такъ мои услуги
Вамъ не понадобились?

ГОЛУБКОВЪ.

Нѣтъ.

СУХОВЪ.

Ну, милый мой поэтъ,
Ступайте-ка къ женѣ, а намъ пора за дѣло.
[Спицыну, Невѣрину, Осколкову].
Пожалуйте, за вами я сейчасъ.
[Уходить на половину жены].

VIII.

Тѣ же безъ Сухова.

ОСКОЛКОВЪ [тихо Спицыну].

Не потерялъ-ли старецъ глазъ?

СПИЦЫНЪ.

Хм., смѣло! очень смѣло!

НЕВѢРИНЪ [отводя въ сторону Голубкова].

Когда хоть слово скажите вы ей...

ГОЛУБКОВЪ.

Подите прочь, мы не знакомы съ вами.

ОСКОЛКОВЪ [уходя, Спицыну].

За женушкой пошелъ... А знаете—ей-ей,
Онъ интереснѣе съ рогами.

[Осколковъ, Спицынъ и Невѣринъ уходятъ. Суховъ входитъ подъ руку съ женой].

IX.

Суховъ, Елена Павловна и Голубковъ.

СУХОВЪ [Еленѣ Павловнѣ].

Ты насъ прости: три ропера всего.

Вотъ побесѣдуй съ нимъ покуда,
Да выпытай усерднѣй отъ него,
Какое съ нимъ случилось чудо?
Какъ демонъ мраченъ онъ и мрамора блѣднѣй.
Ну-съ, я бѣгу [оставляетъ руку жены и идетъ].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Кончайте же скорѣй.

СУХОВЪ.

Одинъ моментъ: три ропера и только.

[Уходя]. Не смущены они нисколько! [Уходитъ].

X.

Елена Павловна и Голубковъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Привѣтъ герою! Нѣжную свирѣль
Вы на оружье промѣняли?
Когда то слезы проливали,
А нынче чуть не кровь? Изъ-за чего дуэль?

ГОЛУБКОВЪ.

Смѣяться въ правѣ вы. Дуэль была безкровной.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Иначе, какъ бы мнѣ остаться хладнокровной?
Я до сихъ поръ не осушила-бъ глазъ.

За что же вы поссорились?

ГОЛУБКОВЪ.

За васъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что? За меня? Кто далъ вамъ позволенье?

ГОЛУБКОВЪ.

Да, виновать я, безъ сомнѣнья,
Я былъ не въ правѣ ссору затѣвать,
Но это наглое, тупое оскорбленье...

Какъ могъ я слушать и молчать?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да знаете ли вы, что сдѣлали со мною?
Я, передъ кѣмъ они валялися у ногъ,
Я буду жертвой ихъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Предвидѣть я не могъ,
Что слухъ о ссорѣ жадною молвою
Подхваченъ будетъ, и чуть свѣтъ
Всѣ въ городѣ узнаютъ о дуэли.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Неподражаемый отвѣтъ!
Предвидѣть трудно, въ самомъ дѣлѣ.

ГОЛУБКОВЪ.

Я сознаюсь, я виновать,
Но оскорбилъ васъ я невольно...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [улыбаясь].

Ну, хорошо, не плачьте! Ну, довольно;
Пусть измышляютъ, что хотятъ!
О, дружба юнаго поэта,
Какъ ты опасна!

ГОЛУБКОВЪ.

Мужъ вашъ знаетъ это?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что за меня вступились вы? О, нѣтъ!
Ну, а дуэль, конечно, не секретъ.
Онъ разсказалъ мнѣ все и, уловивъ волненье
Въ моемъ лицѣ, былъ очень удивленъ.
Тогда я выдала былыя отношенья, —

И онъ

Пришелъ въ немалое смущенье.

ГОЛУБКОВЪ.

Волненье? Вы?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ну, да. Вѣдь вы-жъ мой старый другъ,
Неправда-ли? Понятенъ мой испугъ,
Когда мнѣ говорятъ, что вы чуть не убиты.

ГОЛУБКОВЪ.

Послушайте, я умоляю васъ,
 Хоть разъ—въ послѣдній разъ—
 Скажите мнѣ: ужели позабыты
 Тѣ вечера, когда, смущенные, вдвоемъ
 По сумрачнымъ аллеямъ мы блуждали
 И, ослѣпленные, не знали,
 Что насъ томило, жгло огнемъ!
 Нѣтъ... знали! Робкаго признанья
 Не нужно было—я молчалъ:
 Вашъ бѣглый взглядъ мнѣ все сказалъ.
 Потомъ... тревожное прощанье
 Безъ слезъ, безъ жалобъ... Годы шли
 И вы обвинчаны вдали!
 Зачѣмъ вы не пошли со мною
 Однимъ путемъ, рука съ рукою?
 Всего себя я отдалъ вамъ,
 Дышалъ и жилъ я только вами!...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

А что грозило намъ?
 Въ блаженство вѣчное вы вѣрите-ли сами?
 Мгновенная любовь мгновенно-бъ умерла...
 Да, въ васъ она теперь случайно ожила!..
 Я знаю!

Мелкій трудъ и мелкія невзгоды
 И сѣренькіе дни, и сѣренькіе годы...
 И это значитъ жить? Да знаете-ли вы,
 Какая жажда это—
 Богатства, блеска, нѣги, свѣта
 И поклоненья, и молвы?

Тогда, уже тогда, въ дни-ль встрѣтъ, въ часы-ль разлуки,
Видѣнья смутныя, и образы, и звуки

Неясные, но полные огня,

Жгли кровь мою, манили вдаль меня...

Нѣтъ, ни на мигъ не знать душевнаго томленья,

Упитъся роскошью, съ улыбкою презрѣнья

Встрѣчаться съ тайною безсильною враждой,

Дарить блаженство, властвовать толпой,

Взять все отъ жизни, что возможно,

Всю чашу радостей испить...

Пусть это счастье мелко, ложно,

Я не могу иначе жить.

ГОЛУБКОВЪ.

Что мнѣ сказать? Я осуждать не смѣю.

Я бѣденъ былъ и искренно жалѣю,

Что роскошью васъ окружить не могъ...

Мы на распутьи двухъ дорогъ,—

Намъ нужно разойтись...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ?..

[Входитъ баронесса Штраммъ].

XI.

Тѣ же и баронесса.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ахъ, баронесса!

Ужъ я ждала, ждала, ждала...

А что-жъ баронъ?..

БАРОНЕССА.

Да я его звала—

Поѣхалъ въ клубъ. Извѣстнѣйшій повѣса.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [представляя Голубкова].

Иванъ Андреичъ Голубковъ.

БАРОНЕССА.

Я много слышала. Милѣйшій Пискуновъ
Васъ такъ хвалилъ...

ГОЛУБКОВЪ.

Хвалилъ? Мнѣ это очень лестно,
Но право, я повѣрить не могу...

БАРОНЕССА.

Вы мнѣ не вѣрите?

ГОЛУБКОВЪ.

Помилуйте!

БАРОНЕССА.

Я лгу?

ГОЛУБКОВЪ.

Помилуйте!

БАРОНЕССА.

Ну, да, я лгу! Прелестно!
Неправда ли, ma belle? [тихо]. Да онъ совсѣмъ мужикъ.
[Голубкову].

Немножко нужно быть воздержнѣй на языкъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Но вы не поняли...

БАРОНЕССА.

Ну, да, я, значить, дура!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ахъ, баронесса!

БАРОНЕССА.

Что! И вы изумлены?

ГОЛУБКОВЪ [тихо].

Вотъ баба вздорная!

БАРОНЕССА [Голубкову].

Вы, сударь мой, смѣшны.

[Еленѣ Павловнѣ].

Въ немъ все мужицкое: манеры и фигура.

[Входитъ Вѣра Демьяновна].

*

XII.

Тѣ же и Вѣра Демьяновна.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

А, Вѣра...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА

[замѣтивъ Голубкова, тихо].

Вѣчно здѣсь, на часъ не отстаешь.

[Баронессѣ].

Я слышу голосъ... мнѣ не сдѣлали доклада...
Простите...

БАРОНЕССА.

Богъ простить. [Тихо]. А я вамъ очень рада:
Избавьте вы меня отъ этакихъ господъ!

Помилуйте, для перваго знакомства

Такого мнѣ наговорилъ...

Отъ мужика—мужицкое потомство,
Хоть звѣздами обсыпъ. Такъ видно Богъ судилъ!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Какъ, онъ осмѣлился? Да это вѣроломство!

БАРОНЕССА.

Помилуйте! Визита мнѣ

Не сдѣлалъ! Mauvais ton вполне.

И знаете ли вы...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Все вижу я, все знаю.

Я повторяю:

Его избаловалъ Сергѣй.

БАРОНЕССА.

Какъ принимать такого забіяку?

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Все брату расскажу!

БАРОНЕССА.

Уйдемте поскорѣй;

Вѣдь этакъ онъ затѣетъ драку!

[Баронесса и Вѣра Демьяновна уходятъ].

ХІІІ.

Елена Павловна и Голубковъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Она помѣшана?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой, ничуть!

Но не безъ странностей...

ГОЛУБКОВЪ.

Вѣдь не дала вздохнуть,
Такъ и засыпала!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ну, нажили врага вы!
Съ ней примириться мудрено.

ГОЛУБКОВЪ.

Вотъ изумительные нравы!
И грустно, и смѣшно...

[Входитъ Надя].

XIV.

Голубковъ, Елена Павловна и Надя.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ну, я пойду за ней—утѣшу, успокою,
Хоть за успѣхъ не поручусь—не скрою.

ГОЛУБКОВЪ.

Мнѣ, право, все равно.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да мнѣ-то непріятно. [Уходитъ].

XV.

Голубковъ и Надя.

НАДЯ.

Что, это правда? Съ Пискуновымъ вы
Вчера поссорились?

ГОЛУБКОВЪ [улыбаясь].

Все истина—увы!

НАДЯ.

И вызовъ приняли?

ГОЛУБКОВЪ.

Да, принялъ.

НАДЯ.

Непонятно.

ГОЛУБКОВЪ.

Да, необдуманый вчера я сдѣлалъ шагъ.

НАДЯ [тихо].

Вы... за нее поссорились? Вѣдь такъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Откуда вы...

НАДЯ.

Ахъ, я ужъ все узнала
Отъ горничной сегодня поутру.
Ахъ, еслибъ знали вы, какъ я за васъ страдала!
Но какъ же вы?... Вы любите сестру?

ГОЛУБКОВЪ.

Дитя, я самъ себя не знаю.
Не будемъ говорить объ этомъ, умоляю.
Измученъ я!

НАДЯ.

Довѣрьтесь мнѣ во всемъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Я не могу подумать равнодушно,
Какъ вамъ-то тѣсно здѣсь и душно!
Вчера—на «раутѣ» своемъ
Я ближе ихъ узналъ... и вы—вы съ ними вѣчно!..
Ихъ слушать, видѣть ихъ, ихъ воздухомъ дышать...
Какъ это тяжело безконечно!
Сегодня некого и другомъ мнѣ назвать;
Невѣринъ мнѣ не другъ.

НАДЯ.

И онъ?!

ГОЛУБКОВЪ.

И онъ. Ни слова

Я больше не скажу. Вы-жъ общайтесь мнѣ
Не вѣрить ничему, что тамъ, на сторонѣ,

Начнутъ выдумывать. Вѣдь такъ? Вѣдь между нами
Все ясно, тѣни нѣтъ?

НАДЯ.

Такъ, такъ!

ГОЛУБКОВЪ.

Вѣдь мы друзьями
Останемся навѣкъ?

НАДЯ.

Да, мы друзья, друзья!

ГОЛУБКОВЪ.

Ну вотъ и веселѣе я.

НАДЯ [послѣ нѣкотораго колебанія].

Сестра... васъ любитъ?

ГОЛУБКОВЪ.

Нѣтъ.

НАДЯ.

Она его любила—
Невѣрина, я знаю; хоть со мной
Она о немъ не говорила,
Я поняла. Теперь мнѣ страшно, онъ такой
Самодѣянный и гордый. Онъ опасенъ,
Онъ можетъ отомстить... И я—не въ силахъ я
Ничѣмъ, ничѣмъ помочь!

ГОЛУБКОВЪ.

Заступница моя!
Порывъ вашъ искренній прекрасенъ,
Я благодаренъ за него—
Но—не боюсь я никого...

НАДЯ.

Его шаги, его... Пойдемте въ садъ. Мнѣ много
Сказать еще вамъ нужно. Можетъ быть,
Вы правы: глупая тревога...
Спокойны вы—и чѣмъ онъ можетъ мстить?
А все-таки, какъ будто бы грозою
Повѣяло... Идите же за мною. [Уходитъ].
[Входитъ Невѣринъ].

XVI.

Невѣринъ одинъ.

НЕВѢРИНЪ [глядя вслѣдъ имъ].

Хм., словно заговоръ... Задорный мой птенецъ
Вступилъ въ союзъ... пускай!

Разсчитаны всѣ шансы;
Начну рубить съ плеча—все сразу. Подъ конецъ
Могу пролепетать чувствительные стансы...

[Входитъ Елена Павловна].

Она...

XVII.

Невѣринъ и Елена Павловна.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что, перерывъ?

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ, счеты. Вы однѣ?

Могу ли я надѣяться, что мнѣ
Вы удѣлите нѣсколько мгновений?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Сегодня день какихъ-то откровений!

Вотъ ужъ четвертый tête-à-tête...

Belle-sœur, супругъ и юный нашъ поэтъ...

НЕВѢРИНЪ.

Я и о немъ скажу два слова.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что-жъ, начинайте. Я готова
Покорно вамъ внимать.

НЕВѢРИНЪ.

Я говорить готовъ.

Скажите мнѣ: конечно, вамъ извѣстно,
Что онъ влюбленъ въ васъ?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Онъ?

НЕВЪРИНЪ.

Да, другъ мой Голубковъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Какой вопросъ!

НЕВЪРИНЪ.

Не нужно лишнихъ словъ,
Я буду кратокъ. Онъ,—что мнѣ, конечно, лестно,
Избралъ меня наперсникомъ своимъ:
Вѣдь я дружу давненько съ нимъ.
Пѣвецъ неопытный, выводитъ онъ рулады
О пламенной любви, считаетъ васъ своей,—
А наши сплетники, конечно, очень рады
Его... наивности, но вамъ вредить онъ ей;
Нелѣпая дуэль рождаетъ массу толковъ.
Трусишка Пискуновъ, почтеннѣйшій Осколковъ
Порхаютъ по домамъ и неустанно лгутъ.
Пора пресѣчь... порвать! О, если бъ вы любили—
Я-бъ слова не сказалъ,—но тутъ
Молчать я не могу.

[Входитъ Надя и останавливается за трельяжемъ].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Невѣринъ, это вы ли?
Я васъ не узнаю. Вы—скептикъ и дѣлецъ—
Вы—негодуете, вступаетесь, громите!?

НЕВЪРИНЪ.

Я знаю, вы меня простите.
 Я возмущенъ. Нашъ глупенькій птенецъ
 Считаетъ васъ своей—еще разъ повторяю.
 Кто это право далъ ему?
 Я просто голову теряю!
 Вы сердце отдали! Кому?
 Наивному, хотъ милому фразеру?
 Какъ онъ подумать могъ? О, жалкій дурачокъ!
 Но васъ пятнаетъ онъ! Толкаетъ васъ къ позору!
 Порвите-жъ сѣтъ клеветъ!
 Простите мой потокъ
 Горячихъ словъ...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я просто изумляюсь...
 Все это такъ неожиданно... такъ темно...

НЕВЪРИНЪ.

Чего хотите вы? Извольте, я сознаюсь;
 Я васъ люблю давно,
 Но я молчу. Я не смущу васъ страстью:
 Я властенъ надъ собой—и гордъ я этой властью.
 О, вѣрьте мнѣ, въ послѣдній разъ
 Я оскорбляю ею васъ...
 [Надя выходитъ медленно].
 Простите же, простите.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [въ сильномъ волненіи].

Невѣринъ, подождите [замѣчаетъ Надю].

НЕВЪРИНЪ [тихо].

Я завязалъ отважно узелокъ.

Одинъ отчаянный скачокъ

Отъ дружбы тихой до признанья...

[Еленѣ Павловнѣ] Тамъ вѣрно ждутъ меня.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Идите.

НЕВЪРИНЪ [кланяется].

До свиданья.

[Уходитъ].

XVIII.

Елена Павловна и Надя.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Ты... слышала?

НАДЯ.

Да, слышала

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

И ты...

Нарочно?

НАДЯ.

Да. Меня сюда манило

Предчувствіе... Вѣдь ты-жъ его любила!..

Что толковалъ здѣсь онъ... про сѣти клеветы...

Онъ, самъ онъ клеветникъ! Все это мщенье, мщенье!..

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Что это... Надя, что съ тобой?

НАДЯ.

Я все скажу. Онъ гордый, злой...
Они поссорились... онъ сѣтъ подозрѣнья
Нарочно! Впрочемъ, ты не вѣришь. Правда? Да?
Все это мщенье, все вражда!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Постой, постой! Да ты-жъ изъ-за чего хлопчешь?
Зачѣмъ такъ вспыхивать? Зачѣмъ такъ оскорблять?
Что это значить все? Скажи, чего ты хочешь?

Я не могу понять...

Какія клеветы? Какія подозрѣнья?

Какое мщенье?

И что ты можешь знать?

НАДЯ [обидчиво]

Ну да! ребенокъ я!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Я не могу вступать съ тобою въ объясненья.
Узнаешь ты когда нибудь,
Какъ трудно въ сердце заглянуть,
И какъ легко казнить.

НАДЯ.

Позволь...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно!

Мнѣ слушать тяжело и больно.

Я знаю, что мнѣ дѣлать... Я

Во всемъ сама себѣ судья.

И если ты услышала случайно,

Что говорилось тутъ—пойми, что это тайна,

Похорони ее; ни другу, ни врагу

Не открывай.

НАДЯ.

Ну да... ты любишь, любишь,

А онъ... Ахъ знаю я, что ты его погубишь—

Но, Боже мой, что-жъ сдѣлать я могу?!... [Уходитъ].

XIX.

Елена Павловна одна, потомъ Голубковъ.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Всю, всю меня сегодня истерзали!

ГОЛУБКОВЪ.

Какъ вы взволнованы!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да, голова болить.

За то у васъ побѣдоносный видъ!

[Входятъ Суховъ и Осколковъ].

XX.

Тѣ же, Суховъ и Осколковъ.

ОСКОЛКОВЪ [тихо].

Вотъ чудо! Мы играли да играли,
А голубки все ворковали.

СУХОВЪ [тихо].

Бесѣда долгая [женѣ]. Что, баронесса Штраммъ
Тамъ, у сестрицы?

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Тамъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Она меня жестоко распекала.

СУХОВЪ.

За что?

ГОЛУБКОВЪ.

Да я не знаю самъ.

[Входитъ баронесса и Вѣра Демьяновна].

XXI.

Тѣ же, баронесса и Вѣра Демьяновна.

СУХОВЪ.

Bonsoir, mesdames!

БАРОНЕССА.

Я голосъ вашъ слыхала
И кое-что должна вамъ сообщить.

СУХОВЪ.

Я весь—вниманіе.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Позвольте васъ просить
Все выслушать серьезно!

СУХОВЪ.

Какъ грозно!

Извольте. [Подвигаетъ дамамъ кресла. Онѣ садятся].

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Кажется, секретъ.

Не будемъ имъ мѣшать.

ОСКОЛКОВЪ [Голубкову].

Ну, душка, берегитесь.

Гдѣ—гдѣ, а здѣсь пощады нѣтъ.

Вотъ диво-дивное! Поэтъ,—

А въ кавалеры не годитесь.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вотъ безпощадный приговоръ!

НАДЯ.

За что?

ОСКОЛКОВЪ.

Да такъ-съ—естественное дѣло.

[Налѣво разговоръ дѣлается шумнѣе].

Извольте видѣть—закипѣло.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Да, оживленный разговоръ.

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА [Сухову].

Вы какъ хотите тамъ, а я-бъ на вашемъ мѣстѣ...

Помилуйте, вѣдь вѣчно вмѣстѣ!

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, грубіянь какой!

Какую сдѣлалъ сцену!

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Но главное,—скажите, милый мой:

Кто право далъ ему вступаться за Елену?

СУХОВЪ.

Какъ? За жену? Позвольте, дайте мнѣ

Собраться съ мыслями...

[Встаетъ. Тихо].

Какое подозрѣнье!...

[Баронессѣ].

Я за него прошу у васъ прощенья!

БАРОНЕССА.

Какъ христіанка, я въ душевной глубинѣ
Обиды не таю. Привыкла забывать я
Всѣ оскорбленья—помнить ихъ смѣшно...

ВѢРА ДЕМЬЯНОВНА.

Вы просто—ангелъ, ангелъ!

БАРОНЕССА [торжественно].

Но

Какъ баронесса—не могу прощать я.

СУХОВЪ [тихо].

Что, если онъ не лгалъ?

ОСКОЛКОВЪ [встаетъ].

Что съ вами, —ваше—ство,
Въ тревогѣ вы?

СУХОВЪ.

Э, полноте, съ чего?

ОСКОЛКОВЪ.

Естественно-съ. Признаться, баронесса,
Осмѣлюсь такъ сказать—не знаетъ ни бельмеса,

А мастерица намекнуть,
 Да уколоть, да попрекнуть...
 Ужъ подлинно, скажу вамъ прямо,
 Весьма язвительная дама.
 А впрочемъ, здѣсь такой народъ!

Да вотъ:

По городу прегнусный пасквиль ходитъ.
 Вѣдь ложь! Все ложь! Ну, а... читателей находить.
 Вы не изволите-ль немедля приказать
 Подальше автора услать?

СУХОВЪ.

Э, полноте! Пустое!
 Посмотримъ, что такое.

ОСКОЛКОВЪ.

[Давая листокъ бумаги, тихо].

Какъ переваришь ты...

СУХОВЪ [читаетъ].

Кто авторъ?

ОСКОЛКОВЪ.

Кто нибудь,
 Кто мастеръ рѣдомою блеснуть.

СУХОВЪ.

А, знаю, Горемычный.

ОСКОЛКОВЪ.

Стишокъ пустой и неприличный...
 Одно досадно: въ публикѣ успѣхъ.

СУХОВЪ [продолжаетъ читать].

Хм, въ публикѣ... да это просто смѣхъ!

ОСКОЛКОВЪ.

Услать?

СУХОВЪ.

О, нѣтъ! Но вы... ко мнѣ его пришлите.

ОСКОЛКОВЪ [тихо].

Хитеръ, какъ Вельзевулъ.

СУХОВЪ.

Какъ длинно! Боже мой!

[Прячетъ].

Я захвачу его съ собой.

ОСКОЛКОВЪ.

Хе, хе, хе, хе, и автору прочтите.

Да кстати [шепчетъ что-то]...

XXII.

Тѣ же, Невѣринъ, Спицынъ, за нимъ Пискуновъ.

СПИЦЫНЪ.

Лева, посмотри:

[Указываетъ на Голубкова и Елену Павловну].

Не замолчатъ дружки и до зари.

НЕВѢРИНЪ.

Пойдемъ-ка къ старику: онъ сплетничаетъ что-то.

[Замѣтивъ Пискунова].

Ты какъ попалъ сюда?

ПИСКУНОВЪ [прячась за нихъ].

Тсс... тише, господа!

СПИЦЫНЪ.

Понаблюдать пришла охота?

ПИСКУНОВЪ.

Занятно!...

ГОЛУБКОВЪ [Еленѣ Павловнѣ].

Истерзалъ меня нашъ разговоръ. Увы,
Не знаете меня, не вѣрите мнѣ вы,
А я... я такъ люблю, такъ мучусь!

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [сухо].

Поздравляю.

ГОЛУБКОВЪ.

О, не шутите, умоляю!
Смотрите: васъ чернятъ они,
Предатели, таясь въ тѣни...
Скажите слово мнѣ...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [прерывая его].

Оставьте изліянья!

Когда-бъ не вы—меня не смѣли бы пятнать.

ГОЛУБКОВЪ.

Елена Павловна!...

СУХОВЪ.

[Взбѣшенный, подходитъ. Тихо].

Довольно вамъ болтать.

Вы обращаете всеобщее вниманье.

НЕВѢРИНЪ.

[Приблизившись, тихо Еленѣ Павловнѣ].

Рѣшайтесь-же!...

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА [взволнованная, послѣ
нѣкотораго колебанія—
мужу].

Я очень рада вамъ. [Голубкову]

Вы забываетесь—и ваше поведенье

Не извинительно. [Мужу].

Ну, я иду къ гостямъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Да что-жъ я брежу? Сплю?

СУХОВЪ.

Я буду ждать прошенья.

ГОЛУБКОВЪ.

О, не останусь я ни дня!

СУХОВЪ.

Да вы обяжете меня.

Признаться,

Не понялъ я, зачѣмъ вамъ волноваться:

Вы уѣзжаете—зачѣмъ же портить кровь?

[Отходить къ дамамъ].

НЕВѢРИНЪ [Голубкову, тихо].

Кому-то нынче пѣть ты будешь серенады?

Она теперь моя... А съ нею и подряды [отходить].

ГОЛУБКОВЪ [идетъ къ двери].

Все обмануло... все. И люди, и любовь!...

НАДЯ [быстро подходя къ Голубкову].

Постойте! Пусть они чернятъ васъ и пятнаютъ,—

Я другъ вашъ... вѣчный другъ—и всѣ пусть это знаютъ.

ГОЛУБКОВЪ.

Спасибо вамъ, дитя. Повѣрьте, никогда

Я не забуду васъ. Прощайте-жъ... навсегда

Быть можетъ...

НАДЯ [горячо].

НѢТЬ, нѢТЬ, нѢТЬ!

[Голубковъ быстро пожимаетъ ей руки и уходитъ].

XXIII.

Тѣ же, безъ Голубкова.

БАРОНЕССА.

Какое неприличье!

Что онъ кричалъ?

ОСКОЛКОВЪ.

Онъ намъ читалъ стишки.

НЕВѢРИНЪ [Осколкову тихо].

Оставь свои смѣшки.

Онъ и тебя казнилъ за злостное двуличье—

И величалъ сѣдымъ клеветникомъ.

ОСКОЛКОВЪ.

Меня?.. Мальчишка! Шутъ—шуткомъ,
Какъ пѣшка глупъ... и чѣмъ гордится?

НЕВѢРИНЪ.

Зачѣмъ такъ грозно? Не годится.

СУХОВЪ.

Здѣсь, господа, причиною всему
Провинція. Она не нравится ему—

И завтра-жъ онъ подастъ прошенье

Объ увольнении.

[Одобрительный говоръ. Надя вздрагиваетъ. Пискуновъ громко
фыркаетъ].

ЗАНАВѢСЬ.

TAMAPA.

ALAMAT

ТАМАРА

ВОСТОЧНОЕ ПРЕДАНИЕ *).

(Кн. Д. П. Голицыну-Муравлину).

Подъ синимъ блескомъ пламеннаго неба,
За грозными зубчатыми стѣнами,
Баку бѣлѣть, древняя столица
Поклонниковъ священнаго огня.
Недвижимъ воздухъ. Не промчится вѣтеръ,
Повѣявъ тихо ласковой прохладой,
Не донесется радостная пѣсня
Изъ мертвой дали выжженныхъ полей.
Десятки дней могучій Нуръ-Эддинъ,
Властитель персовъ, осаждаеть городъ;
Спугнувъ на мигъ могильное молчанье,
Какъ грохотъ колесницъ, гремитъ порою
Могучій выстрѣлъ вражескаго стана,—

*) Матеріаломъ для предлагаемаго стихотворенія послужилъ прозаическій пересказъ преданія, принадлежащій неизвѣстному автору.

И дымъ сѣдой, какъ облако, летаетъ
 Надъ городомъ дрожащимъ и нѣмымъ.
 Жестокій голодъ съ жаждой смертоносной,
 Опустошая бѣдную столицу,
 Покорные, тирану рабски служатъ.
 По накаленнымъ плитамъ площадей,
 Едва влача ослабленные ноги,
 Голодный людъ бредетъ къ руинамъ храма.
 Языкъ засохшій прилипаетъ къ нѣбу,
 У пламени горящей ярко нефти
 Молитвы шепчутъ мертвенныя губы,—
 Не внемлетъ имъ божественное солнце...
 И не смолкаютъ пушки Нуръ-Эддина;
 Зловѣщій гулъ несется по землѣ—
 И падаетъ съ разбитой головою
 Жрецъ, преклоненный на ступеняхъ храма...
 Рѣзба дворцовъ разметана во прахъ,
 И рушатся трепещущія стѣны
 Высокихъ башенъ, раненыхъ смертельно...
 И не смолкаютъ пушки Нуръ-Эддина...
 Отъ страха обезумѣвшій народъ
 Бросается къ молящимся жрецамъ...

* * *

«Сдадимся, сдадимся!» какъ гулъ многострунный,
 Какъ дальній раскатъ грозовой,
 Проносятся клики—Хирванъ непреклоненъ,
 И знакъ подаетъ онъ рукой,
 И молвить съ печальнымъ и строгимъ укоромъ:
 «Внимай, маловѣрный народъ!
 «Я долго молился—и богъ лучезарный

«Обѣтъ вдохновляющій шлетъ:
 «Лишь только растаютъ сѣдые туманы,
 «И, пламенемъ чистымъ горя,
 «Надъ грѣшной землею, запятнанной кровью,
 «Блеснетъ молодая заря, —
 «Въ истомѣ предсмертной застонетъ отъ ранъ
 И въ вѣчную тьму погрузится тиранъ:
 Онъ смолкъ — и, залитая блескомъ полудня,
 Прекрасна, какъ небо тропическихъ странъ,
 Тамара приблизилась къ храму. И молвить
 Великій Хирванъ:
 «Ты видишь, разрушенъ нашъ городъ священный;
 «Ты жаждешь ли мщенья за братьевъ своихъ?
 «Отдашь ли, не дрогнувъ смущенной душою,
 «Ты жизнь молодую за нихъ?
 «Иди же къ Эддину. Пусть онъ, ослѣпленный
 Лучами твоей красоты,
 «Умретъ подъ кинжаломъ — и въ пѣсняхъ народныхъ,
 Избранница, будешь безсмертною ты»...

* * *

«Иди, иди!» несутся звуки...
 Она трепещущія руки
 Простерла съ клятвою нѣмой...
 Давно во мглѣ ночей свинцовыхъ
 Ей снилась родина — въ оковахъ,
 Молящей, жалкою рабой...
 Она спасетъ ее! Пусть муки
 Кровавой казни впереди —
 Давно, давно ей слышны звуки
 Призыва властнаго: — «иди!»

На черныхъ крыльяхъ мчится ночь сѣдая;
Витаютъ сны надъ сумрачной землей.

Руины слабо озаряя,
Луна свѣтильникъ золотой
Зажгла въ лазури омраченной.
Молчанье царствуетъ кругомъ,—
Лишь волны бьютъ о берегъ сонный,
Сверкая влажнымъ серебромъ...
Въ туманной мглѣ, какъ привидѣнье,
Одна Тамара—съ жаждой мщенья
И съ тайной робостью въ груди...
Скорѣй на подвигъ многотрудный!
Не замираетъ голосъ чудный
Въ душѣ отзывчивой: «иди!»
Уже тѣней посеребренныхъ
Рѣдѣтъ сумрачная мгла;
Кругомъ въ поляхъ окровавленныхъ
Блѣбуютъ мертвыя тѣла.
Вотъ искаженные отъ муки
Черты застывшаго лица...
Ядромъ оторванные руки
Окоченѣвшаго бойца...
Чу!.. Слабый стонъ!.. Въ крови, во прахѣ,
Еще дыша, они лежатъ...
Встаютъ! встаютъ!..

Въ смертельномъ страхѣ
Она отпрянула назадъ...
Нѣтъ, это бредъ воображенья...
Въ глазахъ темно... Въ вискахъ, въ груди
Стучить... И вновь изъ отдаленья
Ей голосъ слышится: «иди!»

Рѣдѣтъ мгла; блѣднѣютъ тѣни...
 Скорѣй, скорѣй! Она придетъ;
 Склонивъ дрожащія колѣни,
 Она во прахъ предъ нимъ падетъ;
 Она, какъ гибкая ліана,
 Его, ласкаясь, обовѣтъ—
 И поцѣлуемъ обожжетъ
 Уста надменные тирана.
 Когда-жъ въ объятыхъ огневыхъ,
 Подъ ризою тѣней ночныхъ,
 Ядъ страсти выпьетъ онъ, блаженствомъ опьяненный,
 И, сладкой нѣгой утомленный,
 На мигъ забудется,—она не дастъ заснуть;
 Она вонзитъ кинжалъ безтрепетной рукою
 Въ его пылающую грудь.

Вотъ лагерь вражескій. Недвижной пеленою,
 Какъ въ воздухѣ застывшій дымъ,
 Сѣдой туманъ повисъ надъ нимъ...
 Чу! Слышны варварскіе звуки!
 Чу! хриплый крикъ... Идутъ, идутъ!..
 Какъ, смерть уже? О стыдъ! о муки!
 А долгъ? А мщенье?..

Чьи-то руки
 Ее хватаютъ и влекутъ...

* *
 *

На пурпурѣ подушекъ благовонныхъ
 Подъ тканями прозрачныхъ покрывалъ
 Лежитъ Эддинъ. У ногъ его—лѣниво,
 Среди цвѣтовъ и зелени душистой,

Раскинулись наложницы... И звуки
 Зурны журчащей, рокотъ мандолины
 И лепетъ струнъ пѣвучей чіанузи
 Сливаются въ созвучные аккорды.
 А подъ жужжанье музыки, сверкая
 Одеждами и взглядами, на шелкѣ
 Узорчатыхъ ковровъ, при блескѣ нефти,
 Пылающей въ свѣтильникахъ массивныхъ,
 Рабыни пляшутъ, стройныя, какъ пальмы;
 И Нуръ-Эддинъ забылся въ сладкихъ грезахъ.
 И видитъ онъ—безшумно по коврамъ
 Къ нему подходитъ женщина. Улыбка
 Змѣится на устахъ ея прекрасныхъ,
 И, какъ лучи разсвѣта золотого,
 Разсыпались сверкающія нити
 Ея волосъ на знойной мраморъ плечъ.
 Уже она дыханьемъ ароматнымъ
 Касается чела его; уже
 Онъ чувствуетъ, какъ пламенные губы
 Къ его губамъ прильнули, какъ истома
 И сладкій трепетъ тѣло оковали...
 И вдругъ замолкъ аккордъ, затихла пляска,—
 И Нуръ-Эддинъ очнулся отъ дремоты.
 И видитъ онъ: предъ нимъ склонился воинъ,
 А рядомъ съ нимъ...

Не сонное-ль видѣнье
 Преслѣдуетъ его и на-яву?
 Съ нимъ дѣвушка, съ пурпурными губами
 И смугло-блѣднымъ ликомъ; и горятъ
 Глаза ея, какъ черные алмазы,
 И упадаютъ кудри золотыя

На мраморъ плечъ, едва прикрытыхъ тканью.
 Она дрожала и съ мольбою робкой
 Одно твердила имя: «Нуръ-Эддинъ»...
 И онъ велѣлъ оставить ихъ вдвоемъ.
 Она молчала. Шелковые стрѣлы
 Ея рѣсницъ не открывали глазъ:
 Ей страшно видѣть этого тирана
 Съ тяжелымъ взглядомъ, съ жилистою шеей,
 Съ лицомъ, изрытымъ иглами морщинъ
 И омраченнымъ гордостью и злобой...
 — «Молю тебя, могучій, о пріютѣ;
 «Изъ города бѣжала я въ ночи.
 «Возьми меня: рабой твоей я буду,
 «Покорною и трепетной рабой».
 — «Дитя, приближься! ты дрожишь? не бойся!»
 О, что за голосъ, ласковый и чудный,
 Какъ пѣнье волнъ!

И подняла Тамара
 Глаза свои, не довѣряя слуху...
 Такъ вотъ тиранъ, замучившій отчизну,
 Отъ крови жертвъ невинныхъ опьяненный!...
 Онъ добръ и молодъ. Темные глаза
 Такъ мягко смотрять. Свѣтлая улыбка
 Блуждаетъ на албующихъ устахъ—
 А блѣдное, высокое чело
 Озарено какой-то важной думой
 И свѣтится величьемъ неземнымъ.
 — «Дитя не бойся! Я жестокъ для тѣхъ,
 «Кто непокоренъ. Подойди ко мнѣ,
 «Смягчи свой взглядъ испуганный, холодный...
 «Чего ты просишь? Говори, не бойся!»

— «Я ужъ сказала—быть твоей рабой».

— «Да, ты моя. Мнѣ образъ твой явился

«Въ дремотѣ смутной. Праведное небо

«Вдохнуло жизнь въ безплотное видѣнье.

«Ты такъ прекрасна! Я цѣною жизни

«Готовъ купить любовь твою, дитя!»

Цѣною жизни! О, какъ это слово

Отозвалось въ душѣ ея смятенной!

Или цари, какъ вѣще пророки,

Грядущее пронизываютъ взглядомъ?

Какъ бьется сердце! Взоръ горитъ не местию,

А вспыхнувшей любовью...

— «Кто въ тебя

«Вдохнулъ такую силу? Отчего

«Твой дѣтскій взглядъ такъ властенъ надо мною?»

— «Склони же слухъ къ моленью моему:

«Мой городъ гибнетъ; смерть тамъ рыщетъ всюду.

«Освободи его; уйди съ войсками

«Отъ стѣнъ его израненныхъ, священныхъ,—

«И буду я навѣкъ твоей рабой,

«И я пойду»...

И голосъ оборвался...

Какой грозою вспыхнулъ взоръ Эддина.

Какъ омрачилось свѣтлое чело!

— «Безумная! Мнѣ мечь дороже страсти.

«Твой городъ осужденъ—и самъ Ормуздъ

«Спасти его отъ гибели не въ силахъ».

И вновь она дрожить подъ вихремъ думъ...

Она должна убить его... Пускай

Сожжется сердце—родина воскреснетъ.

А силы гаснутъ! Взглядъ горитъ не местию,

А пламенемъ властительной любви.

— «Забудь мой гнѣвъ и горе по отчизнѣ:
 «Столкнула насъ могучая судьба.
 «Созвѣздіемъ сіяютъ наши жизни
 «На небесахъ, прекрасная раба.
 «О, будь моей! Къ чему пустыя пени?
 «Ты хороша—и я тебя люблю.
 «Смотри: какъ рабъ, я преклонилъ колѣни,
 «Какъ рабъ, я взглядъ твой солнечный ловлю»...
 О, что за муки! Сердце трепетало,
 Какъ голубъ, пойманный ловцомъ.
 Уже зарею знойной въ немъ
 Любовь преступная пылала...
 А онъ у ногъ ея! Могущественный шахъ,
 Какъ робкій юноша, упалъ предъ ней во прахъ
 И молить, и зоветь къ блаженству наслажденья...
 И, полная глубокаго волненья,
 Съ горящимъ взглядомъ, мертвенно-блѣдна,
 Безсильная, къ нему склонилася она...

* *
*

Ночь умчалась за даль золотистыхъ луговъ,
 За утесы туманныхъ стремнинъ...
 На узорномъ шитьѣ дагестанскихъ ковровъ
 Сномъ блаженнымъ окованъ Эддинъ.
 Въ многоцвѣтной палаткѣ царить тишина...
 Подъ туманною ризой волшебнаго сна
 Видитъ онъ, что Тамара въ объятіяхъ съ нимъ,
 Что желанья въ ней вспыхнули вновь,
 Что опять осѣнить ихъ блаженствомъ ночнымъ
 Золотая любовь.
 А Тамара не знаетъ спокойнаго сна...

Въ легкотканыхъ одеждахъ, какъ мраморъ блѣдна,
Надъ властителемъ сердца склонилась она.

— «Не проснется онъ больше!»

Но длинный кинжалъ,
Какъ тростникъ, въ ослабѣвшей рукѣ задрожалъ.

— «Помоги, помоги, божество,

Прямо въ сердце вонзить мнѣ его!»

Гаснуть силы! Нѣтъ, лучше измѣна и стыдъ,

И карающей совѣсти муки!

Какъ поднять на него эти слабыя руки?

Вѣдъ на нихъ еще пламя лобзаній горить!

Беззащитный, онъ грезить теперь о любви,—

Мигъ—и будетъ онъ блѣднымъ, холоднымъ, въ крови,

И укоромъ блеснетъ застывающій взоръ...

Лучше вѣчныя муки, и вѣчный позоръ!...

Но опять неотступнымъ видѣньемъ встаетъ

Въ сердцѣ, полномъ безумной любовью,

Городъ храмовъ священныхъ... голодный народъ...

Жрецъ, облитый дымящейся кровью...

Рабство, казни, позоръ впереди...

Чу! опять этотъ голосъ: «Иди!»

И надъ ложемъ блаженства и мирнаго сна,

Холодѣя, склонилась она,

И блеснулъ въ полумгнѣ безпощадный кинжалъ

И безшумно вонзился въ горячую грудь...

Ни движенья, ни стога... Эддинъ не дышалъ.

И, не въ силахъ на трупъ коченѣвшій взглянуть,

Разрывая одежды, съ безумнымъ лицомъ

Выбѣгаетъ Тамара изъ стана враговъ...

А за ней—и движенье, и пушечный громъ,

И военные клики бойцовъ.

Не слышитъ ихъ Эддинъ. И пронеслись грозой
Зловѣщія слова:—«Убить нашъ шахъ могучій!»
Какъ птицы робкія, испуганныя тучей,—
Разсѣялись враги безпомощной толпой...

Отчизна спасена! На площади широкой
Не умолкаетъ шумъ...—«Убить, убить жестокій,
«Побѣдоносный Нуръ-Эддинъ!»

И вдругъ—по всѣмъ устамъ пронесся звукъ одинъ:—
«Тамара!»

И она, безсильная отъ муки,
Въ лохмотьяхъ и въ крови явилась предъ толпой.
И всколыхнулася, какъ море предъ грозой,
Ликующая чернь—и къ ней простерлись руки.
— «Отчизна спасена!»

— «Тамара говоритъ!»

Пронесся тихій гулъ—и мертвое молчанье
Царить на площади.

— «Царь персовъ мной убить.

«Разсѣялись враги, окончились страданья.

«Я долгъ исполнила: отчизна спасена—

«И жизнь моя теперь народу не нужна».

И вновь сверкнулъ кинжалъ, еще алѣвшій кровью,—

И сердце, полное великою любовью,

Не бьется... Какъ платанъ, поверженный грозой,

Какъ лотосъ, холодомъ нахлынувшимъ убитый,

Тамара падаетъ на каменные плиты

Предъ неподвижною толпой...

* * *

Пролетали года легкокрылой чредой—

И въ властительной пѣснѣ поэта

Имя вѣщей Тамары, какъ лучъ золотой
Золотаго разсвѣта,
Озарило весь міръ... И примчали его
Къ безграничнымъ водамъ океана,
Къ синей безднѣ небесъ, гдѣ царить божество
За летучею дымкой тумана,
И туда, гдѣ подъ снѣгомъ, исполнены думъ,
Чутко дремлютъ вершины сѣдыя,—
И въ нагія пустыни, гдѣ жгучій самумъ
Поднимаетъ пески золотые.

I.

ПАМЯТИ ДРУГА.

День угасалъ. Туманныя вершины
Окрестныхъ горъ темнѣли и темнѣли.
У ихъ подножья пѣсни соловьиной
Печальныя дрожали трели.
И голоса веселые смолкали,
И блескъ зари туманы застилали,
И плакали душистые цвѣты...
День угасалъ... съ нимъ угасалъ и ты.

И ты угасъ, и долго мы рыдали.
Безумные, себя жалѣли мы
И для себя твой духъ, тоскуя, звали
Въ преступный міръ ничтожества и тьмы,
Ненужныхъ жертвъ, ненужнаго страданья.
Казалось, слышалъ ты безплодные рыданья
И губы блѣдныя смѣялись надъ толпой.

За часомъ часъ бѣжалъ обычною чредой,
Промчался день. Надъ свѣжею могилой
Свершенъ обрядъ торжественно-унылый.

Одинъ я, а кругомъ молитвенный покой.
И радъ я за тебя, что въ этотъ мигъ священный
У гроба твоего, страдалецъ незабвенный,
Нѣтъ ни дешевыхъ слезъ завистливыхъ друзей,
Ни лицемѣріемъ отравленныхъ рѣчей,
Ни радужныхъ вѣнковъ, ни возгласовъ ненужныхъ.

Все тихо. Старый кедръ склонился надъ тобой,
Роняя перлы слезъ жемчужныхъ
Съ листковъ, обрызганныхъ росой.
Молитву тихую лепечетъ лѣсъ кудрявый,
И—весь залитый отблескомъ лучей—
Небесный сводъ, пустынно-величавый,
Молчить—и словно внемлетъ ей.

ОТРЫВОКЪ.

. . . Какой разнузданный содомъ!
О, сколько лжи и зла кругомъ
Разлито въ воздухъ отравой!
Тутъ—умиленный патріотъ
Надъ трупомъ старины кровавой
Благоговѣнно слезы льетъ,—
А тамъ боецъ краснорѣчивый,
Забывъ о рѣчи громовой,—
Какъ рабъ забитый и трусливый,
Предъ силой никнетъ головой.
Свои святыя убѣжденья
Въ мишурныхъ блесткахъ пышныхъ фразъ
Для тупоумнаго глумленья
Мы выставляемъ на показъ,—
Когда же грянетъ громъ нежданный,
Мы вновь повержены во прахъ,
И замираетъ вопль желанный
На цѣпенѣющихъ устахъ...

БѢЛАЯ НОЧЬ.

БѢлая ночь, словно призракъ, плыветъ надъ пустынной
столицей.

Дремлетъ Нева голубая, дворцы величавые спятъ.
Рѣютъ тревожные сны и влетаютъ въ дома вереницей.
Тихо изъ норъ выползаетъ и крадется блѣдный развратъ.

Въ эти мгновенія черныя немощенъ духъ омраченный...
Съ бездны грядущаго палъ золототканый туманъ,
Сумракъ тамъ вѣетъ крылами,—и видишь яснѣе, смущенный,
Ложь улыбавшихся грезъ и надеждъ легкокрылыхъ обманъ.

О, зажигай же свой факелъ, ты, утра властительный геній,
Звонкою пѣсней разлейся, въ таинственный сумракъ души
Влей молодую отвагу, и пламя тревожныхъ сомнѣній,
Бѣлою ночью рожденныхъ, дыханьемъ своимъ потуши.

* * *

Въ дни битвъ, сомнѣній и печали,
Сіяя радужными красками,
Нѣмую скорбь своими ласками
Намъ «звуки сладкіе» смягчали.
Но говорили мы, мятежные:
Зачѣмъ вы льетесь, пѣсни нѣжныя,
Въ дни битвъ, сомнѣній и печали?
Передъ грозой и соловей
Не свищетъ въ сумракѣ вѣтвей.

Промчались годы чередою—
И васъ ужъ нѣтъ, стихи пѣвучіе.
Иныя слышимъ мы созвучія,—
Они отравлены тоскою.
Но говоримъ мы, утомленные:
О, эти стоны монотонные!
Хоть бы одинъ порывъ могучій,
Чтобъ пѣсенъ пламенныхъ потокъ
Грозой властительныхъ созвучій
Въ насъ силы юныя зажегъ.
А вы—вы намъ въ сердца не проситесь,
Безплоднымъ вихремъ вы проноситесь,
И, какъ падучая звѣзда,
Блеснувъ, затмитесь безъ слѣда.

Н О Ч Ь.

На небѣ сѣвера свинцовомъ
Дрожить заря пятномъ багровымъ—

И ночь испуганная мчится
Надъ влажнымъ золотомъ луговъ,
Туда, гдѣ море серебрится
У скалъ безлюдныхъ острововъ.

И, прилетѣвъ туда, съ улыбкой

Она надъ влагой рѣветъ зыбкой,

Она крылами тише вѣетъ—

И любо снова видѣть ей

Края, гдѣ плодъ пышнѣе зрѣетъ,

Сверкая въ зелени вѣтвей,

Гдѣ почва влажная щедрѣе,

Гдѣ звѣзды, ярче пламенѣя,

Глядятъ на сонный міръ съ привѣтомъ,

Гдѣ крылья вспыхнувшихъ зарницъ

Не озаряютъ робкимъ свѣтомъ

Ни кладбищъ мрачныхъ, ни темницъ.

НА ВЗМОРЬѢ.

Меркнуть радужныя краски
Улетающаго дня,
Какъ обманчивыя сказки
Грезъ, исполненныхъ огня.
Надъ серебряною бездною
Задремавшихъ чутко водъ
Стелеть пологъ свой беззвѣздный
Величавый небосводъ.
О, померкни, призракъ ложный,
Страсти, вѣющей тоской!
Погрузись, мой духъ тревожный,
Въ сонъ безгрезный и нѣмой...

* *
*

Привѣтъ твой, родина, печалью дышетъ знойной.

Въ ненастной мглѣ осеннихъ вечеровъ

Я уловилъ ее душою безпокойной

И плакать я какъ блудный сынъ готовъ.

Я забывалъ тебя въ блаженномъ созерцаньѣ

Полуденныхъ долинъ

И благовонныхъ рощъ, и блѣднаго сіянья

Къ звѣздамъ умчавшихся вершинъ.

Ты кротко встрѣтила вернувшагося сына

И мнѣ опять близка полей нѣмая даль,

И скудныхъ нивъ безмолвная кручина,

И тихихъ рѣкъ пѣвучая печаль.

* *
*

. . . Онъ, охваченный скорбью, окно распахнулъ...
Садъ подъ первыми ласками Мая
Словно ожилъ; въ зеленыхъ гирляндахъ тонулъ
Стройный тополь, россою сверкая,
Золотилися ленты веселыхъ аллей,
И изъ влажной листвы задремавшихъ вѣтвей
Гдѣ-то пѣсня лилась, замирая.

«О, зачѣмъ такъ ясна ты, небесъ бирюза,
Такъ спокойны вы, вѣчные своды?
Взвейтесь, вихри! ворвись ураганомъ, гроза,
Въ этотъ радужный праздникъ природы!
Омрачи этотъ блескъ ослѣпляющій дня,
Заглуши эти наглые звуки
Ликованья и счастья, когда у меня
Разрывается сердце отъ муки.»

Онъ на небо взглянулъ, — такъ же ясно оно,
Та же пѣсня въ саду разливалась...
А весеннее солнце смотрѣло въ окно
И надъ блѣднымъ безумцемъ смѣялось.

*

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

Мы тихо ѣдемъ по безлюдью.
Померкъ за рощею закатъ.
Какой просторъ! Я полной грудью
Вдыхаю свѣжій ароматъ.

Синѣя, зыблются и шепчуть что то нивы,
Пестрѣютъ влажные, пустынные луга,
А тамъ—песчаные, крутые берега
И Волги медленной широкіе извивы.
И тишь и ширь кругомъ. Мой спутникъ молчаливъ.
Съ улыбкой смотримъ мы на волны свѣтлыхъ нивъ,
На небо звѣздное—и далека тревога,
Какъ выюги зимнія.

Вотъ сѣрая дорога
Змѣится въ зелени широкой полосой.
— Куда ведетъ она?

— А это, милый мой,
Сибирскій трактъ. Преступниковъ, бывало,
Здѣсь скованныхъ вели, за Волгу, до Урала
И дальше. А теперь онъ глохнетъ.

Сколько думъ

Нежданно вспыхнуло и взволновало умъ!
 Какъ будто сумрачнѣй крутомъ мгновенно стало...
 И чудится мнѣ день горячій и сухой,
 Дорога пыльная; усталою толпой
 Идутъ они, звеня своими кандалами.
 Вотъ длинный арестантъ, съ лукавыми глазами,
 Съ улыбкой хитреца. Ему ужъ не впервой;
 Будь ночка потемнѣй,—и поминай, какъ звали.
 И камень припасенъ, да вотъ какъ будто малъ.
 Эхъ, прошлою весной ни въ жизнь бы не поймали,
 Да больно захирѣлъ; пластомъ въ лѣсу лежалъ...

А рядомъ съ нимъ старикъ. Глубокія морщины
 На бронзовомъ лицѣ, тяжелый тусклый взглядъ...
 Трепала жизнь его; и ноженъки болятъ,
 И сердце старое изсохло отъ кручины.
 Вотъ только-бъ добрести! Какъ псу не пасть бы тутъ!
 А тамъ... обтерпится: все тотъ же вѣчный трудъ!

За нимъ едва бредетъ неровными шагами
 Бродяга молодой. Померкшими глазами

Блуждаетъ онъ по блещущимъ лугамъ...
 Упасть бы и заснуть въ травѣ, во ржи высокой,
 На часъ, на мигъ... Что вдругъ блеснуло тамъ,
 За пеленой луговъ широкой?

То Волга! Побѣжать—и броситься, и плыть
 Туда, гдѣ баржа, колыхаясь,
 Стоитъ на якорѣ...

Пугливо озираясь,
 Шагнулъ онъ въ сторону, и грезъ безумныхъ нить
 Оборвалась. Раздался окликъ грозный...
 А солнце жжетъ и давятъ кандалы.

.

* *
*

Спитъ пустыня, паркъ не дремлетъ.
Величавый и нѣмой,
Онъ полночнымъ трелямъ внимлетъ
Подъ кудрявою горой.
Рой серебряныхъ видѣній
Въ немъ порхаетъ—здѣсь и тамъ,—
Фантастическія тѣни
Робко бродятъ по кустамъ.
Лунный отблескъ въ паркъ струится
Сквозь дрожащую листву
И узорами ложится
На росистую траву.
Ночь плыветъ и сыплетъ чары
Съ многозвѣздной высоты.
Зашепталися чинары
И оливы и цвѣты.
Надъ синѣющимъ оврагомъ,
По дорожкамъ золотымъ,
Я иду неслышнымъ шагомъ,
Я иду—и внимлю имъ.
— «Помнишь садъ Украйны дальней,

Вечеръ теплый и нѣмой,
Взоръ тревожный и печальный,
Рѣчи, полныя тоской,
И прощальныя мгновенья
Въ синемъ сумракѣ аллей...
Нѣтъ забвенья, нѣтъ забвенья
Жгучимъ ранамъ свѣтлыхъ дней!
Воздухъ полонъ той-же ласки,
Тѣ-же гимны соловьевъ,
Тѣ-же звѣзды, тѣ-же краски
И деревьевъ и цвѣтовъ...

За пустынею безбрежной
Край иной чаруетъ взоръ:
Тамъ гирляндой блещутъ снѣжной
Выси сумрачныя горъ;
Голубые караваны
Тучъ, несущихъ блескъ и громъ,
И пловучіе туманы
Обвиваютъ ихъ вѣнцомъ...

Тамъ блаженное забвенье
Скорби призрачной людской.....

Желѣзноводскъ.

* *
*

О, еслибъ силой вдохновенья
Я могъ зажечь въ тебѣ презрѣнье
Къ мірку, гдѣ увядаешь ты
Среди невѣждъ благочестивыхъ,
Среди глупцовъ краснорѣчивыхъ
И безграничной пустоты.
Но тамъ, сіяя бирюзою,
Такъ лучезаренъ небосклонъ!
Тамъ все родное: старый кленъ,
Разбитый вѣшнею грозою
Въ саду запущенномъ твоёмъ,
И эти выжженные степи,
И зеленѣющія цѣпи
Холмовъ, объятыхъ вѣчнымъ сномъ,
И блескъ ночей, нѣмыхъ и душныхъ,
И томный рокотъ соловьевъ,
И шепотъ сплетницъ добродушныхъ,
И мины важныя глупцовъ.

* * *

Ночь-ли, вѣнчанная ризою звѣздной,
Рѣетъ надъ бездной
Бурныхъ морей,
Утро-ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней, —
Твой образъ сіяетъ какъ встарь предо мной,
Сіяетъ—и духъ омрачаетъ тоской.

Мчись-же, мой парусъ, стрѣлою летучей
Надъ влагой пѣвучей
Волнъ голубыхъ.
Вѣрь мнѣ, покуда ты, гордая, дышишь, —
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.
О, пусть омрачается сердце тоской, —
Свобода и гордость и пѣсни—со мной.

* *
*

Блеснули тканью золотистой
Темнозеленыхъ горъ вершины;
Зари веселой свѣтъ лучистый
Разсѣялъ робкій мракъ долины;
Очнулся лѣсъ; ночныя тѣни,
Какъ сонмъ испуганныхъ видѣній,
Затрепетали, умирая.
Страхнувъ дремоты сладкой чары,
Зарю улыбкою встрѣчая,
Шептались радостно чинары.

А въ глубинѣ дремучей лѣса
Листвы узорчатой завѣса
Оврагъ угрюмый осѣняла...
Оттуда ночь не улетала.

Такъ свѣтъ любви блеснетъ, неожиданный,
И съ глазъ спадетъ покровъ туманный
И жизнь лучами озарится...
А все жъ порой во мглѣ незримой,
Въ душевной мглѣ—неигладимый
Старинной скорби слѣдъ таится.

* *
*

Наединѣ съ самимъ собой
Остаться тяжело...
Опять духъ скорби надо мной
Простеръ свое крыло,
Опять вы въ комнатѣ моей,
О тѣни блѣдныя друзей
Любимыхъ, на разсвѣтѣ дней
Погибшихъ подъ грозой борьбы...
И поникаю я челомъ
И вновь, подавленный стыдомъ,
Я слышу ропотъ и мольбы...

И ты, чьи юныя уста
Такъ сладко лгали мнѣ...
Зачѣмъ къ тебѣ летитъ мечта
Въ вечерней тишинѣ?
Зачѣмъ печальный образъ твой
Воскресъ неожиданно предо мной?
Зачѣмъ повѣяло весной,
Весной любви, въ мой уголокъ?
Ты вся—обманъ; зачѣмъ же ты,
Будя забвенныя мечты,
Мнѣ шепчешь сладостный упрекъ?..

*

ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

1.

Словно сказочная фея, —
Вешней прелестью блестя,
Ты меня околдовала,
Темнокудрое дитя.
Если звѣзды глазъ лучистыхъ
Лаской робкою блеснуть, —
Въ сердцѣ пѣсни, словно розы,
И сіяютъ и цвѣтутъ.
Если ты мрачна, какъ небо,
Опаленное грозой, —
Такъ звучать онѣ печально,
Какъ пустынныхъ водъ прибой.
Если смерть затмитъ нежданно
Тихій свѣтъ любимыхъ глазъ, —
Лебединой пѣсней встрѣчу
Я разлуки вѣчной часъ.

2.

Насъ ревнуетъ небо: мы сойтись хотѣли
Въ паркѣ благовонномъ, у морской лазури,
Вдругъ по стекламъ оконъ капли зашумѣли,
Возросталъ и крѣпнулъ гнѣвный ропотъ бури;
Дрогнулъ воздухъ душный; гибкою вершиной,
Застонавъ, склонились блѣдныя березы,
Замеръ отдаленный рокотъ соловьиный
И къ травѣ поникли плачущія розы...

3.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ...
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила!

А. ФЕТЬ.

Нѣтъ, я не вѣрю, что ты разлюбила,
Только ты глубже любовь затаила;
Эти порывы и нѣга и томность,
Взглядовъ тревожныхъ и бѣглыхъ нескромность,
Это внезапно мелькнувшее горе
Въ тихомъ, недѣтски задумчивомъ взорѣ,
Знойнаго чувства нежданная сила...
Нѣтъ, я не вѣрю, что ты разлюбила!

II.

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА.

1.

Когда простились мы, какой зимой нежданной
Повѣяло вокругъ! Какъ сумрачны поля,
Какъ тяжекъ небосклонъ, угрюмый и туманный,
Какой пустынею казалася земля!

А вѣдь она цвѣла; сады въ уборѣ новомъ
Сіяли золотомъ, дыханья розъ полны,
И осень пышная—подобно юнымъ вдовамъ
Несла плоды любви умчавшейся весны.

Но умирающей казалась мнѣ природа;
Ты—лѣто для меня, а нѣтъ тебя со мной—
И нѣмы соловьи, и если съ небосвода
Польется робко пѣснь надъ чащею лѣсной,

Такъ сумрачна она, что, грустно ей внимая,
Поникшіе цвѣты блѣднѣютъ, увядая.

2.

Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный!
Усталъ я видѣть честь—поверженной во прахъ,
Заслугу—въ рубищѣ, свободу—искаженной,
Нужду—съ усмѣшкою паяца на устахъ,

Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, таящихъ скорбь въ тиши,
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу—мертвую отъ немощей души;

Искусство, робкое предъ деспотизмомъ власти,
Безумья жалкаго надменное чело,
Разнузданный развратъ, разнузданныя страсти
И Благо плѣнникомъ у властелина Зло.

Усталый, льнулъ бы я къ блаженному покою,
Но какъ, владычица, разстанусь я съ тобою?

3.

Когда я вижу, какъ волшебные уборы
Срываетъ время съ древности сѣдой,
И башни рушатся, высокія, что горы,
И въ рабствѣ злая мѣдь у ярости слѣпой;

Когда я вижу, какъ въ береговое царство
Врываясь, океанъ мятется и реветъ,
Какъ алчная земля, исполнена коварства,
Захватываетъ сонмъ необозримыхъ водъ,

Какъ распадаются могучіе народы,
Какъ царства пышныя въ развалинахъ лежатъ, —
Въ мозгу сверкаетъ мысль, что мстительные годы,
Мой геній, и тебя въ безвѣстный міръ умчатъ.

И дума скорбная мой разумъ омрачаетъ:
Все, чѣмъ свѣтла намъ жизнь, — все время пожираетъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

1.

Надпись на могилѣ ньюфаундлэндской собаки.

Когда надменный Крезъ, безславный, но вельможный,
Заснетъ послѣднимъ сномъ подъ мраморной плитой,
Услужливый рѣзецъ кудрявой похвалой
Вѣнчаетъ прахъ его ненужный и ничтожный,
И приглашаетъ всѣхъ роскошный мавзолей
Почтить усопшаго слезою лицемѣрной.
А бѣдный, добрый песъ, привѣтливый и вѣрный,
Самоотверженный, нѣжнѣйшій изъ друзей,
Всю жизнь отдавшій намъ—безвѣстнымъ погибаетъ;
Забвеніе ждетъ его и здѣсь и въ небесахъ,
Гдѣ жалкій человѣкъ, одушевленный прахъ,
Пріема пышнаго по праву ожидаетъ.
О, человѣкъ! Смѣшной и извращенный родъ,
Раздутый гордостью, объятый ослѣпленіемъ!
Ты—масса, гдѣ одно ничтожество живетъ;
Кто разъ узналъ тебя—бѣжитъ тебя съ презрѣніемъ,

Твои слова—обманъ, твоя улыбка—ядъ,
 Фразистая любовь—безстыдство и развратъ.
 Природы вѣчной царь, вѣнецъ и перлъ творенья,
 Ты, пребывающій въ безумномъ ослѣпленьи,
 Ты, гордый разумомъ,—передъ любимъ скотомъ
 Краснѣть бы долженъ ты, горя нѣмымъ стыдомъ.

Не преклоняйтесь же съ печалью лицемѣрной
 Надъ этой урною; въ ней нѣту никого,
 Надъ кѣмъ бы плакать вамъ; лежитъ тутъ другъ мой
 вѣрный:

Я одного лишь зналъ—здѣсь тлѣетъ прахъ его.

2.

Vanitas vanitatum.

Въ дни свѣжести моей волшебница любовь
 Развѣяла, какъ дымъ, сомнѣнья и печали,
 И влага чистыхъ винъ мнѣ волновала кровь,

И музы мнѣ чело вѣнчали.

Но вереницы дней промчались чередой;
 Какъ тучи предъ грозой, растутъ мои мученья,
 И тщетно я ищу отравленной душой

Чаръ всемогущаго забвенья.

За каждый сладкій мигъ плачу я ядомъ слезъ,
 Неумолимый рокъ мрачитъ безъ сожалѣній
 Воскресшій робко свѣтъ забытыхъ наслажденій

И блескъ рождающихся грезъ.

Смертельный ядъ змѣи смягчаютъ заклинанья,
 Но ядъ бессонныхъ думъ, сжигавшій столько лѣтъ

Мой духъ подавленный, ядъ вѣчнаго страданья,—

Надъ этимъ ядомъ власти нѣтъ.

Предъ силою его, коварной и мятежной,

Ничтожно и мертвѣ искусство мудреца;

Какъ ночь мрачна душа,—и скорби безнадежной

Нѣтъ ни забвенья ни конца.

ИЗЪ Т. МУРА.

О не шепчите надъ гробомъ вы имя его дорогое!
Пусть оно спитъ подъ землею въ глубокомъ и вѣчномъ
покоѣ.

Пусть ваши слезы невольныя льются изъ глазъ омра-
ченныхъ

Тихо—какъ перлы росинокъ, дрожащихъ на ландышахъ
сонныхъ.

Падаетъ тихо роса на коверъ изумруднаго луга,
Но отъ нея зеленѣетъ могила усопшаго друга;
Тихія, жаркія слезы надъ этой пустынной могилой
Въ чуткихъ сердцахъ оживятъ его образъ волшебною
силой.

ИЗЪ А. МЮССЕ.

1.

Д р у г у.

Когда зловѣщій мракъ сгустился надо мною,
Исчезъ безпечный рой измѣнчивыхъ друзей,
Но ты остался мнѣ—и крѣпче насъ съ тобою
Соединила цѣпь ненастья полныхъ дней.
Такъ воды мирныя серебрянаго моря
Волною ласковой баюкають челнокъ,
Но вспрянули онѣ, громамъ небеснымъ вторя,—
И перль изъ глубины взлетаетъ на песокъ.
Такъ розы пышныя, облитыя лучами,
Льютъ нѣжный ароматъ на бархатныхъ холмахъ,
А въ мрачной глубинѣ, подъ хмурыми скалами,
Таится золото въ сверкающихъ пескахъ.
Чтобъ ни было со мной—не дрогну я душою;
Какъ Байронъ, я скажу ликующимъ врагамъ:
«Пусть океанъ реветъ, бушуетъ подо мною,
Пускай! Я отдаюсь бѣгущимъ вдалѣ волнамъ».
О будь же братомъ мнѣ! Надеждой оживленный,

Печатью траурной скрѣплю я нашъ союзъ.
Пусть небосклонъ гремитъ, грозою омраченный,—
Ничто не разорветъ священныхъ нашихъ узъ.

2.

Не забывай.

Rappelle-toi quand l'aurore craintive
Ouvre au soleil son palais enchanté...

A. de Musset.

Когда заря свой замокъ пышный
Откроетъ солнцу—иль толпой,
Неуловимой и неслышной,
Сны будутъ рѣять надъ землей;
Когда въ душѣ твоей лучи отрады сладкой
Тоской омрачены и плачешь ты украдкой,—
Въ тиши-ль полей, въ глуши-ль лѣсовъ
Ты звуку робкому внимай
Чуть слышныхъ словъ:
«Не забывай».

Когда незримой пеленою
Покроетъ смерть мои глаза
И въ сердцѣ смолкнетъ подъ землею
Тревогъ и жгучихъ мукъ гроза,—
Въ безмолвіи ночномъ, въ туманномъ сновидѣннѣ,
Душа моя влетитъ къ тебѣ знакомой тѣнью...
О не пугайся-жъ смутныхъ сновъ
И звуку робкому внимай
Молящихъ словъ:
«Не забывай».

1.37500/125)

Červinskij, Fedor A.,

Stichi

S.-Peterburg 1892

P.o.russ. 166 a

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680475-6